

«ВОЕННАЯ РЕФОРМА ВТОРОЙ ТРЕТИ XV ВЕКА В НОВГОРОДЕ» И АРХИЕПИСКОП ЕВФИМИЙ II

Аннотация: История развития военного дела на Руси в XV веке, дело малоизученное и запутанное. На сегодняшний день существует мнение о существовании двух путей этого развития. Первый – западный («вестернизация») связанный с европейской военной традицией, по которому пошло великое княжество Литовское. Другой – восточный («ориентализация»), связанный с влиянием Золотой Орды, выбранный в великом княжестве Московском. Каждый путь имел свои плюсы и минусы, и каждое русское государство (княжество или республика), которых тогда было немало, делало выбор само. В статье сделана попытка проследить выбор Новгородской феодальной республики. Отправной точкой для написания статьи были слова известного советского историка Глеба Владимировича Абрамовича о создании в Новгороде во второй половине XV века, 5-ти тысячного конного войска «по образцу немецких рыцарей». Практически, военной реформе, сопоставимой с созданием «ордонансовых рот» во Франции и Бургундии. Глеб Владимирович, назвал инициатором и исполнителем этой реформы суздальского князя Василия Васильевича Гребенку. Автор, не отрицая, возможности таковой реформы, попытался разобраться: кто из военных или государственных деятелей Господина Великого Новгорода того времени мог провести её в действительности.

Ключевые слова: Господин Великий Новгород, великое княжество Литовское, великое княжество Московское, династические войны в ВКЛ и ВКМ, повгородско-ливонская война 1443-1448, великий князь Витовт, великий князь Василий Темный, великий князь Дмитрий

Шемяка, князь Александр Васильевич Чарторыйский, князь Василий Васильевич Суздальский Гребенка, архиепископ новгородский Евфимий II, битва под Старой Русой 1456 г.

В свое время известный советский историк Глеб Владимирович Абрамович написал про князя Василия Васильевича Шуйского: «С первых же шагов княжения Гребенка показал себя талантливым военачальником. Обратив внимание на то, что самым слабым местом новгородского войска является конница, он за один год сумел довести число конных воинов, закованных в латы по образцу немецких рыцарей и вооруженных копьями, до 5 тыс. человек»¹.

Замечание это Глеб Владимирович сделал, описывая начало карьеры князя Василия Васильевича Гребенки в качестве «служилого князя» в Господине Великом Новгороде, куда его пригласили из града Пскова в ожидании нападения великого князя московского Василия Васильевича, прозванного Темным. Данное мнение, утвердилось в российской историографии и попало в википедию. Думается, следует вспомнить: кем был князь Василий Гребенка и заслуживает ли подобного упоминания.

В родословной книге по списку князя М. А. Оболенского князь Василий записан шестым внуком суздальского князя Семена Дмитриевича². Князь Семен Дмитриевич,

---

¹Абрамович Г. В. Князья Шуйские и Российский трон. Л., 1991. С. 65.

² «1-й Александр Глазатой, второй Иван Горбатой, третий Роман – бездетен, 4-й Андрей Лугвица – служил князю Ивану Андреевичу Можайскому, а убили его на Сухотрове литва, 5-й Борис – князь

шурин великого князя московского Дмитрия Донского, самый известный из князей, потерявших свой удел, и вследствие этого сделавший военную службу профессией. Он восемь лет, по договору («по ряду») служил в Орде четырьмя разным ханам³. Его по праву можно считать первым русским кондотьером. Внуки пошли по стопам деда и продолжили его стезю. Князь Василий Васильевич, упомянут в договоре его брата, князя Ивана Горбатого с великим князем Василием Темным. Договор датирован декабрем 1448 – июлем 1449 гг. В нем, великий князь пообещал братьям своего партнера признать их права на фамильные владения в случае повиновения и принесения клятвы⁴. Князь Василий на это не пошел, вотчин лишился и жил сначала с «княжей пошлины» Пскова, потом с земельных пожалований Господина Великого Новгорода.

Свою военную карьеру, он, скорее всего, начал под руководством родственника – князя Василия Юрьевича Суздальского. Князь Василий Юрьевич был внуком князя Василия Дмитриевича Кирдяпы и относился к старшей ветви суздальских князей. А князь Василий Васильевич, как уже отмечалось, был внуком младшего брата Кирдяпы и принадлежал к младшей ветви. Князь Василий Юрьевич Суздальский, служил Новгороду в крепости Ям город. Согласно Новгородской I летописи, в 1444 г., он, отразил нападение немцев на крепость⁵. В

летописи Авраамки даны подробности осады. В частности, рассказано о небывалой артиллерийской дуэли. Но воеводой назван «князь Василей Васильевич Суздальских князей»⁶. Вероятно, в Ям городе, находилось два князя Василия, и Юрьевич, и Васильевич. Через два года, одновременно с боями в устье Наровы в июле 1447 г., под Ям городом потерпел поражение другой немецкий отряд. Во главе новгородцев указан князь Василий Суздальский. В некоторых списках летописи вместе с именем написано и отчество: «Василей Васильевич»⁷. Кроме того, известно, что князь Василий Юрьевич еще в 1445 г., во время нахождения в плену московского князя Василия Васильевича (с 7 июля по 17 ноября), заключил договор с его соперником – князем Дмитрием Юрьевичем Шемякой. По условиям договора он со своим братом Федором Юрьевичем получали обратно Суздальско-Нижегородское княжество, при условии признания верховной власти князя Дмитрия⁸. Соответственно летописный Василий Суздальский – это наш герой.

В начале 1448 г. Псков остался без князя, и псковичи позвали к себе из Новгорода, вернее из Ям города, князя Василия Васильевича. 14 января «в мытареву неделю» князь Василий Васильевич, названный в некоторых летописях Гребенка, прибыл в Псков. Новый служилый князь заключил договор с городом, принес клятву и стал получать оговоренную плату⁹. Княжение

Семенов отец Суздальского, 6-й Василей Шуйский Гребенка – бездетен, который был в Новгороде Великом и служил из Новгорода» (Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011. С.37).

³«осьмь летъ по ряду въ Орде служи четырем царемъ, первому Тахтамышу, другому Аксакъ Темирю, третьему Темирь Кутлюю, четвертому Шадибеку». (Полное собрание русских летописей. (Далее - ПСРЛ). Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. (далее - МЛС). М., 2004. С. 232).

⁴«А добыють челом мне, великому кн(я)зю, и моему с(ы)ну, великому кн(я)зю Ивану Васил(ь)евич(ю), и моим детем меншим твоя брат(ь)я княз(ь) Александръ и княз(ь) Василей, и мне, великому княз(ю), жаловати их вотчиною, их жребьи, по старине, что за ними было». (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI веков (Далее - ДДГ). М.-Л., 1950. № 52. С.156, 158).

⁵ «Немци, местерь со всеми своими вои, пришедши под город под Яму, бивши и пушками, и стоявши 5 днии, и по Вочкой земли и по Ижере и по Неве

поплениша и пожгоша, а города убледе богъ и святыи архистратигъ Михаилъ, не взяша, а самых Немець много паде под городомъ, а иней язвени отъидоша въ свою землю. А в то же время в городе въ Яме был князь Василей Юрьевич Суздальских князеи» (ПСРЛ. Т. III. Новгородская I летопись (далее — НЛ). М., 2000. С.42).

⁶«бивши городъ пушками, а з города такоже противу пушками, и нарочитую ихъ пушку заморскую великую, и намерившее с города розбиша, и пужечника и многихъ добрыхъ Немцовъ поби» (ПСРЛ. Т. XVI. Летопись Авраамки (далее — ЛА). М., 2000. Стб.185).

⁷«А инех под Ямою городкомъ побиша князь Василей с мужи новгородцы» (ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. Псковские летописи (далее - ПЛ). М., 2003. С. 48. Прим.39):

⁸ДДГ. № 40. С.119-121.

⁹«Того же лета приеха князь Василей Васильевич, князеи суздальских, во Псков, из Великого Новграда,

Василия Васильевича во Пскове ознаменовалось постройкой новой каменной городской стены и внутренним обустройством¹⁰. Летом 1455 г., новгородцы, опасаясь нападения великого князя Василия Московского позвали князя Василия Васильевича к себе. Несмотря на уговоры псковичей, князь Василий уехал 15 июля, прослужив Пскову семь с половиной лет¹¹. Решающим фактором отъезда, скорее всего, стало обещание земельного владения. И действительно, Господин Великий Новгород дал князю Василию Гребенке 6 сел включавших 234 обжи земли¹². Земля, в Новгороде, измерялась в «обжах», обжами там называли оглобли сохи, оттого и пошло название¹³. Обжа определялась как участок земли, который может обработать один человек с одним конем¹⁴. Практически это было одно крестьянское хозяйство. Площадь участка зависела от качества земли.

Начало новой службы князя Василия успешным назвать нельзя. 3 февраля 1456 г. наспех собранное новгородское войско под его началом потерпело сокрушительное поражение от воинства великого князя московского у Старой Русы. Новгородцы в той битве были одеты в «крепкия доспехи», и «копия же имяху долга»¹⁵. Доспехи в виде кирас, и длинные копья с широкими наконечниками изображены на миниатюре Лицевого летописного свода посвященной битве¹⁶. Все это и дает основание для предположении о «военной реформе в Новгороде середины XV века».

в мытареву неделю, месяца генваря въ 14... князю пошлину всю и целова крест псковичемъ во всеи псковьской пошлине» (ПЛ. Вып. 1. С.48. Прим. 42-42).

¹⁰Там же. С.50-51.

¹¹«посадники псковския и вси мужи пьсковичи много ему биша челомъ, рекуще ему: не ездити господине от нас... поезде прочь, месяца июля в 15 день, а былъ во Пьскове пол осма года» (там же. С. 52).

¹²Абрамович Г. В. Князья Шуйские и Российский трон. С. 65.

¹³Романова Г. Я. Словарь старинных русских мер. М., 2017. С. 173.

¹⁴«а обжа один человекъ на одной лошади ореть» (МЛС. С. 319-320):

¹⁵Там же. С.274.

¹⁶Лицевой Летописный Свод. Русская летописная история. Книга 14. 1444-1459 гг. М., 2010. С.497

Относительно предположения Г.В. Абрамовича, о создании именно князем Василием Гребенкой за год новгородской латной конницы, можно возразить. Во-первых, с 15 июля 1455 года, когда князь Василий покинул Псков, до 3 февраля 1456, когда произошла битва, прошло только полгода. За это время столько «немецких лат» изготовить сложно. К примеру, герцог Бургундии Карл Смелый мог позволить ежегодную поставку только 100 полных доспехов для своих жандармов¹⁷. Во-вторых, подобная реформа во Франции 1444-1445 годов, с созданием «ордонансовых рот» заняла намного больше времени, и потребовала огромных средств, которых у князя Василия не было. Он, вполне мог, вооружить и обучить «по образцу немецких рыцарей» своих дворян. За семь с половиной лет, что он провел в Пскове, это можно было сделать. Тем более. Что про Псков современники писали: «Жители его по языку и религии — все русские, бороды не бреют, волос на голове не стригут, но одежду носят совсем немецкую»¹⁸.

Те земли, что князь Василий получил от Господина Великого Новгорода, можно оценить в 312 рублей, так как из описания псковской мобилизации 1500 года, следует, что 10 сох земли равнялись по цене 40 рублям. В 1500 году, бывшие новгородские земли, как и все присоединенные: ярославские, тверские и ещё «вольные» псковские уже переписали «по московски, в сохи»¹⁹. Причем в московских документах, земли князя Василия Гребенки числились как «6 сел, а сох в них 80 без дву», там же пояснялось, что соха включает в себя «3 обжи»²⁰. То есть одна соха (3 обжи) ценились в 4 рубля²¹. На эти деньги, судя по всему,

---

¹⁷Куркин А. В. Рыцари: последние битвы. СПб., 2004. С. 412.

¹⁸Меховский Матвей. Трактат о двух Сарматиях. Рязань, 2009. С. 107-108.

¹⁹Иосафовская летопись. М., 2014. С. 183.

²⁰«а обжа один человекъ на одной лошади ореть, а хто на 3-х лошадах, а сам трети ореть ино то соха» (МЛС. С.319):

²¹Князь псковской Александр Володимирович и посадники псковские и бояре и весь Псков порубившеса з десяти сох конь, а з сорока рублев конь и человек в доспехе» (ПЛ. Вып. 1. С. 84).

можно было содержать 8 латников. Возможно, по аналогии с Литвой, Ливонией и Польшей, подразумевался не отдельный «латник», а «копье» в составе рыцаря, оруженосца и слуги. В этом случае, можно объяснить разночтения в псковских «нарубках» 1480, 1495 и 1500 годов. В первом случае одного всадника брали с 4 сох, в двух последующих с 10²². Может мобилизация зависела от причины (отражение нападения или поход в чужие земли). А может, со временем Псков подвергся «вестернизации» не только в одежде.

Сорокарублевую «стоимость» латника северо-западной Руси XV века, косвенно подтверждает еще один исторический факт. В 1426 году у великого князя литовского Витовта, полагавшего себя владыкой Руси, произошел вооруженный конфликт с Псковской феодальной республикой. В ходе него, в августе месяце, произошел бой у города Котельна. В ходе боя псковское войско во главе с двумя посадниками, толи атаковало литвинов²³, толи было атаковано ими²⁴. В результате псковичи потеряли 17 человек убитыми и 13 пленными. Пленные, судя по всему, были людьми не простыми. Великий князь обращался с ними галантно и куртуазно, как в рыцарских романах. Это очень удивительно, если знать, как поступили

²²«той ночи, иные на завтрее, много скрутившееся поеха с четыре сох конь и человек». С. 81: «на Свей на немцы... срубилися з десяти сох человек конны» (Пл. Вып. 1. С. 76)..

²³«Посадникъ же Селивестръ Левонтиевичъ, и посадникъ Феодор Шибалкинъ съ дружиною своею ехавше под городокъ под Котелень. Онъ же неверный князь Витовтъ оуслыша псковьскую рать, и посла на них своя рати 7000 неверных Литвы и Тотарь; а псковичъ толко бяше 400 муж; и псковича оударишася на них под городомъ под Котелномъ и оубиша псковичъ 17 мужъ, а руками яша пскович 13 муж, а литовския рати и Тотарь много побита псковичи, рад бых, сказаль, но числа их не вемъ». (Там же. С. 36)..

²⁴«а в засаду к Котелну городу тогда же послаша посадника Селивестра и посадника Федора Шибалкина, и с ними 400 мужъ. А Витовти, слышавъ то, посла к Котелну 7000 мужъ Литвы и Тотарь, а псковичемъ того не ведушим. И егда быша псковичи под Котелном, оудариша на них Литва и Татары, и оубиша псковичъ 17 мужъ, а руками яша 13 муж; а псковичи с ними бишася, побегая к городку, и побиша Литвы много; и тако вбегше в Котелно и затворишася» (Там же. С. 41).

псковичи с пленными из войска князя Витовта в начале месяца в крепости Опочка²⁵. Пленных псковичей, после заключенного 25 августа мира, передали на поруки посадникам, с условием прибыть к князю Витовту в Вильно «на Крещение», то есть 6 января следующего 1427 г. Зимой, пленные явились в Вильно. Великий князь, для острастки подержал их в «крепости», но 14 апреля «на Покров» освободил, за выкуп в 450 рублей²⁶. Скорее всего, сумма выкупа, для каждого была индивидуальной, так как в среднем получилось по 34, 62 рубля за голову. Но сумма близка к 40 рублям «на руба» на «коня и человека в доспехе». Может быть, среди «рыцарей», затесался «оруженосец», из знатной фамилии? А может, из «статусной» суммы, вычли стоимость коней.

Получается, что князь Василий Васильевич Гребенка, по недостатку средств и времени, просто не мог стать военным реформатором в Новгороде.

Более подходящей кандидатурой видится другой новгородский военачальник – князь Александр Васильевич Чарторыйский. Он, как говорят, приходился внуком сыну великого князя Ольгерда Коригаило, в крещении – Константину Ольгердовичу. Родился князь до 1416 г. Слыл поборником «русской» партии. Со своим братом князем Иваном князь Александр организовал заговор против великого князя литовского Сигизмунда Кейстутовича²⁷. Заговор удался, 20 марта 1440 года, Сигизмунда убили, однако самому князю Александру пришлось бежать в Москву. В 1442 г., польский король Владислав III пожаловал князя Александра и его братьев правом пользования печатью и

²⁵«а ииыхъ многихъ Татаръ и Ляховъ и Литвы живыхъ поймавши въ градъ мчаша и режуцы у Татаръ срамныя уды ихъ, имъ же въ ротъ влагаху, якоже и самому Витовту видети то, и всемъ прочимъ съ нимъ, а Ляхомъ и Чехомъ и Волохомъ кожи одираху» (Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. XVIII М., 2007. С.169).

²⁶«докончаша за полоненных окупъ пол пята ста рублей, и дати сребро на Покровъ день» (Пл. Вып. 1. С. 38).

²⁷Хроника Быховца. М., 1966. С.89-90.

гербом «Погоня»²⁸. Московский князь Василий Васильевич, в свою очередь, наделил беглеца городом Суздаль, но в 1442 г. отобрал и передал город князю Ивану Можайскому, дабы отворотить того от дружбы с князем Дмитрием Шемякой. По сей причине литовский выходец сам перешел к князю Дмитрию Юрьевичу и совершил с ним поход Москву. Кровапролития удалось избежать только благодаря вмешательству духовенства – игумена Троицкого монастыря Зиновия²⁹. По мирному договору с великим князем Василием князь Александр перешел служить во Псков. 25 августа 1443 г. он «целовал крест» одновременно и Пскову и великому князю³⁰.

В 1447 г., после признания Новгородом великим князем Дмитрия Юрьевича Шемяки, князь Александр Васильевич ушел в Новгород. Там он стал наместником, великого князя Дмитрия Юрьевича. Случилось это по просьбе новгородцев, которых одолевали в войне ливонские немцы³¹. 6 июля 1447 г. произошло сражение в устье реки Наровы. Там князь Александр Васильевич показал своё ратное мастерство. Немцы вошли в устье реки Наровы на кораблях: «на бусахъ и на шнекахъ». Их целью была доставка наемников в город

Нарву. Первыми шли два прусских корабля. Князь Александр Васильевич и новгородцы атаковали их в ладьях. Началась перестрелка из пушек и пищалей³². Несмотря на повреждения, эти корабли прорвались. Следом за ними в устье зашло ещё три корабля: два прусских и один ливонский. Им повезло меньше. Новгородцы повторили атаку. Корабли прижали к берегу и захватили. Много немцев погибло и утонуло. Ливонцы сообщают о 140 погибших и пленных наемниках³³. Новгородцы посчитали только пленных: двух командиров и 84 рядовых³⁴. Немцы в отместку осадили крепость Ям город, но безуспешно. Новгородцы в свою очередь устроили набег на немецкую территорию. В нем принимали участие 60 дворян князя Александра³⁵. 27 февраля 1448 г. в Великом Новгороде было заключено перемирие на 5 лет и достигнуто соглашение о большом «съезде» на реке Нарове. Съезд состоялся, в нем принимали участие по 200 человек с каждой стороны. Новгородцев возглавлял князь Александр Чарторыйский. 25 июля 1448 г. «в день Иакова апостола» был заключен мир на 25 лет. В этом договоре, Александр Васильевич назван «князем новгородским»³⁶. Весной 1452 г., князь Чарторыйский поднял новгородцев в поход на можайского князя Ивана Андреевича. Отомстив ему за старую обиду. Тогда же Александр Васильевич женился на дочери Шемяки – Марье Дмитриевне³⁷. Как видим, человек он был

²⁸Полев С. В. Наследники Витовта.

Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М., 2015. С. 569.

²⁹«А со княземъ съ Дмитреемъ князь Иванъ Можайскы был на Угличи у него, и князь велики его отъзваль, а даль ему Суздаль, а преже былъ за Черторижьскымъ. А князь Дмитрией, а с нимъ князь Александръ Черторижьскои, после князя великого пришли ратью ольны до Сергеева монастыря безвестно, и не пусти ихъ игумень Зеновеи, и еха напередь сам игумень и помири ихъ» (ПСРЛ. Т. XXIII. Ермолинская Летопись. М., 2004. С.151).

³⁰«Того же лета приеха во Псковъ Александръ Василиевичъ от князя великого Василия Василиевича на княжение, и псковичи прияша его честно, в сыропустную неделю, на память святого отца нашего Антропия. И по томъ приеха посоль от великого князя Василия Василиевича, и поручи ему княжение по слову князя великого, и посадиша его псковичи на княжение во святей Троицы, месяца августа въ 25 день, на память святого апостола Варфоломѣя, и целова крестъ ко князю великому Василию Василиевичу и ко всему Пскову по псковской пошлине, по князя великаго слову и по его воли» (ПЛ. Вып. 1. С. 46).

³¹Там же. С. 48.

³²«И узреша Новгородичи оже Немце на бусахъ и на шнекахъ бежаху к Нарове, и поидоша Новгородичи на лодьяхъ противу ихъ, и начаша новгородичи и с немци пушками битися и стрелятися» (ЛА. Стб. 190-191).

³³Бессуднова М. Б. Война Ливонского ордена с Новгородом 1443-1448 гг. // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. № 1. 2012. С. 81.

³⁴«много их на мори в бусахъ погибоша, а инии истопоша в мори, а инех руками поимаша 80 и 4 Немчина, и с ними два князця яша немецкая» (ПЛ. Вып. 1. С. 46).

³⁵«на зиме послалъ князь Олександръ Васильевичъ свои люди, шестьдесятъ человекъ, и Новгородчкыи воеводы Яме городка, Родивонъ Остафьевичъ и Давыдъ Кюпровъ, и з городчаны поидоша за Нарову» (ЛА. Стб. 191).

³⁶Грамоты Великого Новгорода и Пскова (далее - ГВНП). М.-Л., 1949. № 72, 73. С.117-124.

³⁷ЛА. Стб. 193.

умудренный, битый судьбой и имевший далеко идущие планы. Соответственно и воинский двор его был поистине княжеский: «А двора его кованой рати боевых людей 300 человекъ, oprичъ кошовых»³⁸. Несомненно, этот двор был организован по «польскому образцу».

Подобный воинский отряд – хоругвь, описал литовский князь Свидригайло в письме от 4 июня 1435. Сначала он указал состав отряда: «двести копий, то есть шестьсот коней». Затем, стоимость его содержания: «по пяти коп грошей на копье в месяц»³⁹. Литовская «копа грошей» состояла из 60 пражских грошей. 100 пражских грошей составляли 1 рубль⁴⁰. Таким образом, «копье» из 3-х всадников обходилось в 3 рубля в месяц.

Двор князя Александра Чарторыйского, скорее всего, состоял из 100 копий в 300 коней. «Копье», по-видимому, состояло из одного копейщика и двух конных стрелков – лучников или арбалетчиков. Во всяком случае, свита великого князя Ягайла в 1383 году состояла из 30 «lanceis» и 60 «balistaris»⁴¹. Во время боя, стрелки, находящиеся внутри клина, должны были поддерживать копейщиков, стреляя через их головы. По мнению белорусского исследователя Юрия Бохана, «стандартная» численность литовской хоругви составляла 300 всадников. В качестве доказательств он упоминал переписку немецких комтуров и хоругвь князя Александра Чарторыйского⁴².

Неизвестно, с каким именно отрядом он прибыл на Русь в 1440 году. Но за время пребывания в Москве, Пскове и Новгороде, личный состав должен был обновиться. Даже, если первоначально он состоял из литвинов и русинов, то со временем их замещали русские, которые перенимали метод боя «с копья по-литовски». Однако, все эти «реформы и преобразования» происходили только во дворе князя Александра, под его

хоругвью с гербом «Погоня». Там где он был «Бог, Царь и Воинский Начальник». Для остальных новгородцев его двор, мог быть «примером для подражания, но не указанием к исполнению». Тем более, что после смерти великого князя Дмитрия Юрьевича Шемяки, отношения князя Чарторыйского с новгородским Советом Господ ухудшились.

Призвание князя Василия Суздальского из Пскова летом 1455, явно свидетельствует о попытке найти замену князю Александру. Если не равнозначную по ратному умению и силе, то сопоставимую по знатности. В довершении всего, князя Александра Васильевича обвинили в поражении, под Русой, хотя он в бою не участвовал. Его заподозрили в предательстве: «Переветь ли не вемъ держель еси к Низовцемъ и Русу у нас взяша». Возможно, обвинения послужили причиной смерти его молодой жены княгини Марьи. После этого, князь Александр Чарторыйский плюнул на господ новгородцев и уехал в Псков «и Псковичи его прияша в честь»⁴³. Двор князя последовал за ним и дальнейшего участия в развитии новгородского военного искусства не принимал. Забегая вперед, можно сказать, что во Пскове он пробыл недолго, до февраля 1460 года. Той зимой великий князь московский Василий Васильевич, в очередной раз предложил Князю Александру, через псковичей, принести клятву верности. На что псковичи получил гордый ответ: «Не слуга де и яз вашему великому князю, и не буди ваше целование на мне и мое на вас, коли де и учнете псковичи соколом вороны имати, ино тогда де и мене Черторискаго воспомянете»⁴⁴.

Для создания новгородского войска из витязей «закованных в латы по образцу немецких рыцарей и вооруженных копьями», требовалась административная власть и наличие огромных денежных средств. У обоих князей воевод не было ни того ни другого. Следует искать более весомую фигуру. Ту у которой имелись деньги.

Денежные средства Господина Великого Новгорода аккумулировались в

³⁸ ПЛ. Вып. 1. С.58.

³⁹ *Полехов С. В.* Наследники Витовта.... С. 617.
Прим. 47.

⁴⁰ ВКЛ. Энциклапедыя. Т. 1. Минск, 2007. С. 103.

⁴¹ *Бохан Ю.М.* Узбраенне насельництва беларуских зямель у XIV-XV стагоддзях. Минск, 2012. С. 13.

⁴² *Бохан Ю.М.* Ваяры Грунвальдскай битвы. Минск, 2010. С. 89-90.

⁴³ ЛА. Стб. 196.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. XLV. Варшавский летописный сборник. СПб., 2018. С.90-91.

руках церкви. Главой государства считался архиепископ Новгорода, которого избирали на вече, он носил титул «владыка». На его Дворе в Детинце проходили заседания Совета Господ, а в главном храме – Святой Софии хранилась казна города. Аналогично, бояре каждого конца собирались на свои совещания в своих «кончанских» монастырях, имевшихся в каждом конце⁴⁵. Архиепископ Новгорода был «автокефален» (αὐτοκεφάλῃ ἀρχιεπισκόπῃ), имел «белый клобук» и официально подчинялся непосредственно Патриарху Константинопольскому, минуя митрополитов Московского или Киевского. Во многом, порядок в Новгороде Великом и его владениях зависел от личности архиепископа.

Для ограничения его власти, как уже отмечалось, в каждом конце города существовал свой «ктиторский» монастырь. Слово «ктитор» (κτίτωρ) означает «собственник», монастыри содержались за счет бояр определенного конца, которые числились их ктиторами. В эти монастыри бояре делали вклады, там они хранили свои богатства. Туда уходили «на заслуженный отдых», если решали, что мирская жизнь стала чересчур суетна и тяжела⁴⁶.

Для Людина конца таким считался Благовещенский монастырь, для Загородского – Аркаж (Аркадьев), для Неревского – Никольский (Николы Белого), для Славенского – Михайловский Сковородский, для Плотницкого – Антонов. Из пяти настоятелей этих монастырей, избирался архимандрит, который являлся главой «черного» духовенства (монашеского) Новгорода. Резиденцией архимандрита являлся Юрьев монастырь, тоже ктиторский⁴⁷. Архимандрит считался заместителем архиепископа, и за счет этого казалось, что власть архиепископа безгранична. Но это было далеко не так.

⁴⁵Янин В. Л. Новгородские Посадники. М., 2003. С. 432-433.

⁴⁶Кузьмина О. В. Церковь и политическая борьба в Новгороде в XIV-XV вв. веках. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. В. Новгород, 2007. С. 79-81.

⁴⁷Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики Москва. 1980. С. 119-120.

Архимандрит скорее служил рычагом давления боярства на архиепископа.

Несмотря на главенство церковных иерархов в Новгороде, отношение к религии там было довольно вольное, ощущались сильные рецидивы язычества. Главный религиозный символ города – Святую Софию Премудрость, новгородцы воспринимали как «могущественное божество, своеобразную берегиню Новгородской республики... В этом образе слились воедино функции языческой берегини и христианского ангела-хранителя. София стала символом Новгорода, его независимости и могущества»⁴⁸. Про несоответствие поведения новгородцев православной вере писал в своем послании митрополит Фотий. Суть претензий главы русской церкви, при публикации, кратко изложены в заглавии сего документа: «Послание митрополита Фотия новгородскому архиепископу Иоанну, духовенству и мирянам Великого Новгорода, предписывающие воздержание от «пианства... лишнего и пиров», особенно во время постов, запрещающие священникам пить до обеда, запрещающее браки без венчания, объявляющее вне закона четвертые браки и устанавливающие епитимью за вступление в третий брак, запрещающие употребление «скверных словес, слушание «басней» и обращение к «лихим бабам» - ворожеям, устанавливающие время совершения венчания и чинопоследование крещения, запрещающее игуменам, попам и монахам торговать и «давать серебро в резы», венчать «девочок» младше 12 лет, содержать монастыри, где монахи и монахини живут вместе, причем в женских монастырях не позволяется служить попу вдовцу, устанавливающие меры борьбы церкви с обычаем судебных поединков «в поле». Москва. 1410. Августа 29»⁴⁹. Как говорится: ни прибавить, ни убавить.

Для соседей Новгород представлялся обителью богатства, греха и порока. Польский хронист Ян Длугош писал: «что новгородцы купаются в неисчислимых

⁴⁸Кузьмина О. В. Церковь и политическая борьба в Новгороде... С. 48. Более подробно о религиозных воззрениях новгородцев см. там же С. 24-59.

⁴⁹Русский Феодальный Архив. М., 2008. С. 507.

богатствах и сокровищах, что они не склонны воевать, так как постоянно предаются пьянству, жажде наживы и удовольствиям желудка»⁵⁰. Бургундский рыцарь Жильбер де Ланнуа давал еще более неприглядную картину: «Есть в их городе один рынок, где они продают и покупают их женщин по своему закону, но мы, истинные христиане, не осмелились бы сделать такое в жизни. И меняют одну женщину на другую за один слиток серебра или два, так как они договариваются, чтобы один дал возмещение другому»⁵¹.

Благодушие и нежелание воевать сыграло с новгородцами злую шутку. В 1428 году великий князь литовский Витовт, решил немного пожить за счет Господина Великого Новгорода. Ян Длугош писал: «За ложный предлог к войне он взял то, что якобы они совершили беззаконие по отношению к нему и его владениям при установлении границ. На самом деле, он организовал против них большой и дорогостоящий поход. Дабы прославить свое имя и подчинить себе упомянутых новгородцев, которые не подчиняются никакому королю или князю»⁵². Новгородские летописи объясняли поход личной обидой: «Поиде князь Витовтъ к Великому Новгороду ратью, а рек тако: «Назвали есте мя изменником»⁵³.

На мой взгляд, причиной похода, было желание «великого князя литовского и многих русских земель господаря» заставить Новгород признать власть его внука – московского князя Василия Васильевича. Годом ранее подобное удалось в отношении Пскова. Еще раньше, великие князья рязанский и пронский обязались перед князем Витовтом помогать его внуку⁵⁴.

Аналогичные пункты князь Витовт, скорее всего, включил в договора – докончания заключенные во время его поездки в юго-восточные русские земли в 1427 году: «Тут нас посетили большие (великие) герцоги, те самые из русских стран, которых также в их [странах] почтительно великими князьями называют: рязанские – переяславский, пронский; новосильский со своими детьми, и также из знаменитой страны Одоевской герцоги и герцогиня-вдова воротынские etc. Нам некоторые тотчас, некоторые сегодня, некоторые в настоящее время предались с их землями и людьми, нам клонились, верность и послушание сохранять предписали (то есть подписали докончание – *Р. Б.*). Каждый из них нас просил, чтобы мы управляли на границах (обороняли границы – *Р. Б.*) их стран»⁵⁵.

На ультиматум литовского князя новгородцы, надеясь на непроходимость лесов и болот их окружающих, пытались отшутиться. Мол, пускай идет, а мы к его приходу меда наварим. Но смеялись они напрасно. Князь Витовт собрал сильное войско из своих подданных, в том числе и «тверскую силу» во главе с воеводой Захарией Ивановичем Бороздиным⁵⁶. Призвал польских рыцарей и иноземных наемников. Совершив хитроумный маневр, войско князя Витовта за один день форсировало считавшийся ранее непроходимым Черный Лес. Проложив «многие мили» мощеных просек литовцы неожиданно вышли 16 июля к крепости Вышгород. Простояли там «два дни и две ночи», подтягивая отставших и обозы, а затем двинулись к Порхову, по пути «воюя волость Новгородскую». 20 июля началась осада замка Порхов⁵⁷. Там было блокировано новгородское войско. По словам Яна Длугоша, оно насчитывало «3000

⁵⁰*Długosza J. Roczniki czyli kroniki sławnego królestwa polskiego. T. 8. Warszawa, 2009. S. 256.*

⁵¹*Черкасов Д. Н. Жильбер де Ланнуа и его «Voyages et ambassades» // Studia Historica Europae Orientalis. № 8. Минск, 2015. С. 218.*

⁵²*Długosza J. Roczniki czyli kroniki sławnego królestwa polskiego. S. 256.*

⁵³Варшавский летописный сборник. С. 83.

⁵⁴«А безъ княз(я) великого ми воли Витовтовы ни с ккм не доканчивати, ни пособляти. А будет ли которая налога великому княз(ю) Василию Васильевич(ю), внуку ег(о), а ис которые стороны, а възвелит ми княз(ь) велики Витовтъ, и мне, княз(ю) великому

(имярек), по ег(о) велению, пособляти ему на всяког(о)» (ДДГ. № 25. С. 68; № 26. С. 69).

⁵⁵*Беспалов Р. А. Источники о поездке Витовта в область Новосильского и Рязанского княжеств в 1427 году // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 3. Тула, 2008. С. 256.*

⁵⁶ПСРЛ. Т. XV. Тверской сборник. М., 2000. Стб. 489.

⁵⁷«и сталь под городомъ под Порховымъ, месяца июля въ 20 день, на память святаго пророка Илии» (ПЛ. Вып. 1. С.38).

всадников давно готовых к обороне»⁵⁸. Штурм замка не принес успеха, не смотря на применение артиллерии и осадных машин. В довершение всего разорвалась самая большая пушка – «Галка», для транспортировки коей требовалось 40 лошадей. Князь Витовт прекратил штурм, полагая, что осажденные, вскоре, вынуждены будут сдаться от голода. В этом он оказался прав. Из замка вышли предводители новгородского воинства посадники Григорий Кириллович Посахно и Исаак Андреевич Борецкий. Они «начаша бити челом» и предложили начать переговоры о капитуляции⁵⁹. Вскоре к ним присоединилась новгородская делегация во главе с архиепископом Евфимием I Брадатом.

Великий князь Витовт устроил из переговоров представление, ставшее для новгородцев позорищем. «Князь Витольд, перед их приходом, велел поставить трон, укрытый от солнечных лучей пурпурной завесой, и сел на него. Войску приказал надеть доспехи и, разделившись на два отряда, построиться на большом пространстве, чтобы вызывали ужас, (после чего) принял упомянутых послов. Те, кого пустили между отрядами, при виде князя Витольда упали лицом в землю, признали его победителем и господином, и лбами своими коснулись земли. Затем, поднявшись от имени своего, и всех новгородцев, они попросили отложить оружие, прекратить военные действия и перестать опустошать их поля. Они утверждали, что будут следовать тем границам, которые он им назначит, и что они еще принесут великие дары. Князь Витольд смягчился под влиянием их мольбы и пришел к убеждению, что не следует презирать столь великое унижение». Немного поругав епископа и послов, он сказал, что хочет получить: «десять тысяч рублей чистого серебра, всех людей и лошадей, находящихся в замке, пятьдесят шуб соболиных и столько же шуб из любых других мехов и триста пурпурных плащей».

⁵⁸ «we zamku trzy tysiące ludzi i tyleż koni przygotowanych już dawno do jego obrony» (*Długosza J. Roczniki czyli kroniki sławnego królestwa polskiego. S. 257*).

⁵⁹МЛС. С.247-248.

Условия были приняты и через три дня, требуемое было доставлено в лагерь⁶⁰. Так написал Ян Длугош.

Русские источники дают различную сумму контрибуции. Согласно московским известиям, князь Витовт получил 8500 рублей «окупа» и 2000 за «полон»⁶¹. По псковским летописям, литвин удовлетворился моральной победой и поклоном архиепископа⁶². Новгородские источники называют самую крупную сумму контрибуции – 11000 рублей. Из них 5000 – с Порхова, 5000 – с Новгорода и 1000 – «за полон»⁶³. Это была военная катастрофа, расплачиваться за которую пришлось всей новгородской земле. Вина за «порховское позорище» во многом лежала на архиепископе Евфимии I Брадатом. В миру, он звался Емельян и был сыном неревского боярина Луки Онцифоровича⁶⁴. Новгородский святой Михаил Клопский обвинял его в лихоимстве и корыстолюбии, причем, не только его, но и другого «героя Порхова» - посадника Григория Кирилловича Посахно⁶⁵. Возможно, случай описанный в Житии связан с «порховским позорищем», а именно со сбором денег «по волостям». Именно тогда святой юродивый предсказал скорую смерть архиепископа. Которая не замедлила случиться: «Въ лето 6937. Преставися владыка Еуфимии, ноября 1, на память святого Козмы и Дамьяна. А был владыкою 5 лет и 5 недель, а чернцом был

⁶⁰*Długosza J. Roczniki czyli kroniki sławnego królestwa polskiego. S. 257-258.*

⁶¹«даша с себя окупу полдевяты тысячи рублей Ноугородцких, а полон весь окупи архиепископъ у Витофта, дасть две тысячи рублей» (МЛС. С. 248).

⁶²«князь Витовтъ челобитие новгородское приять и владычне поклонение, и миръ с ними доконца по старине, и крестъ целова, и полонъ отпусти владычня ради поклонения, и паки возвратишася от Порхова во свою землю, месяца июля въ 28 день, в среду» (ПЛ. Вып. 1. С.38).

⁶³«порховици докончаша за себе 5000 рублев. А из Новагорода приеха владыка Еуфимии, а с ним послы новгорочкыя, и докончаша другую 5000 рублеи серебра, а шостую на полону, и то серебро браша на всех волостех новгородчких и по Заволочью, з десяти челоовекъ рубль» (ЛИА Стб. 178).

⁶⁴*Мусин А. Е. Загадки дома Святой Софии. СПб., 2016. С. 169-170.*

⁶⁵Повести о житии Михаила Клопского. М.-Л., 1958. С. 44; 104-105.

на сенях год и 2 недели»⁶⁶. По сентябрьскому (и ультрамартовскому) стилю эта дата приходится на 1428 год, по мартовскому – на 1429. Большинство исследователей принимают вторую дату, но я склонен к первой. Доказательство этой точки зрения займет слишком много времени, но первое, что можно сказать – ЛА, по большей части придерживается сентябрьского стиля, с сентябрьским новолетием и индиктами, как и должно быть в «официальном архиепископском летописании», коим она является. Тогда получается интересная ситуация – архиепископ Евфимий Брадатый не выдержавший позора и проклинаемый земляками прожил чуть более трех месяцев после унижения перед великим князем Витовтом. На смену ему «того же месяца возведен бысть по жеребью священноинокъ Еуфиміи с Лисичьи горке на сени в дом святей Софіа»⁶⁷.

По некоторым данным будущий архиепископ, в миру – Иоанн, родился в 1396 году, а в 15 лет принял иноческий чин в Вязской обители Николая Чудотворца. Быстро выдвинулся благодаря своим талантам и был назначен архиепископом Симеоном (1416 – 1421) экономом дома Святой Софии. Это был первый случай, когда на эту должность назначили инока, до того, хозяйственными делами архиереев занимались миряне. При архиепископе Евфимии I Брадатом покинул должность и ушел сначала в Хутынский монастырь, потом на Лисью горку. Оттуда был вновь призван в Новгород «на сени дома Святой Софии». С первых дней нахождения при власти он развил кипучую деятельность. Вместо поездки в Москву, к митрополиту Фотию для рукоположения в архиепископы (этот обряд мог совершить либо митрополит Московский и Киевский, либо патриарх Константинопольский, до которого ехать было еще дальше), «инок на сенях» Евфимий, озабочился повышением обороноспособности отчины.

Первым делом начались работы по модернизации замка Порхов. Это требовало сил и средств. В 1430 году привлекли к

общественному труду каждого пятого работника⁶⁸. Как минимум 12000 человек. Сразу оговорюсь, что летописная фраза: «пригон был хрестьяном к Новугороду, города ставити», на мой взгляд, означает не работы по укреплению Новгорода, а именно перестройку Порхова. На это указывают следующие факты. И А. Н. Кирпичников, и М. П. Гайдуков, и Д. А. Петров, утверждают, что линия древоземляных укреплений Окольного города Великого Новгорода была закончена в 70 – 80-х годах XIV века. В период с 1391 по 1401 год они были усилены каменными башнями, и с тех пор крупных работ не проводилось⁶⁹. Замечание М. П. Гайдукова об известиях 1430 и 1460 годов, о работах, когда укрепления дополняли «деревянными стенами, срубленными заново», вовсе не значат, что к ним привлекалось много людей. Про работы в Новгороде в 1430 году неизвестно ничего. А в 1460 «поставленъ бысть городъ отъ Лукыне улицы до Волхова»⁷⁰. Не очень понятно, как это можно было сделать? Если, конечно, тогда Лукина и Воздвиженская улицы не составляли одно целое. Но в таком случае длина построенных деревянных стен не превышала 500 м. Для этого не требовалось привлечения крупных сил и средств. В то же время строительство укреплений замка Порхов заняло «не менее трех – четырех строительных сезонов» (1387 – 1390 гг.)⁷¹. Соответственно, срочная перестройка и модернизация этих укреплений в течении одного строительного сезона 1430 года

⁶⁸«В лето 6938... Того лета Новгородичи приставили к Порхову другую стену камени. Того лета пригон был хрестьяном к Новугороду, города ставити, и покручали 4 пятого» (там же).

⁶⁹Кирпичников А. Н. Каменные крепости новгородской земли. Л., 1984. С. 14-16; Гайдуков М. П. Фортификация Окольного города Великого Новгорода по археологическим данным. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2012. С. 23; Петров Д. А. Укрепления Окольного города Великого Новгорода конца XIV в. и их место в русской и балтийской традиции фортификации // Новгород и новгородская земля. История и археология. Вып. 30. В. Новгород, 2016. С. 126-131.

⁷⁰ЛА. Стб. 202.

⁷¹Петров Д. А. Укрепления Окольного города Великого Новгорода конца XIV в.... С. 129-130.

⁶⁶ЛА. Стб. 178.

⁶⁷Там же.

требовала мобилизации всех возможных резервов. Что и было достигнуто «пригоном» каждого пятого работника.

Замок Порхов значительно усовершенствовали. Подробно этот вопрос рассмотрел А.Н. Кирпичников⁷². Он считал, что основной целью работ было утолщение стен крепости необходимое для усиления сопротивления артиллерийскому огню. Более кратко результат проведенных усовершенствований изложил И.В. Антипов⁷³. В целом замок Порхов, после реконструкции, стал соответствовать «европейским» требованиям. Появление 36 пушечных (калибр от двух до шести весовых

⁷²Кирпичников А. Н. Каменные крепости новгородской земли. С. 241-262.

⁷³«Стены крепости, обращенные к западу, югу и востоку, были прикрыты на протяжении 208 м дополнительной кладкой (в поперечнике 2,3–2,6 м). Толщина стен при этом составила 5 м в основании, а в брустверном увенчании 1,2–1,3 м. Усилению также подверглись Никольская и Средняя башни, наружные стены которых в первом ярусе достигли 5–5,5 м. Кроме того, был переложен 85-метровый участок западной стены, расположенной вдоль берега р. Шелони. Кладка 1430 г. отличается от первоначальной наличием большего числа крупных серого цвета облицовочных блоков плиты (18–22×40–60 см) и раствором с включением непромешанных комочков чистой белой извести. При сооружении береговой стены с внутренней стороны, вероятно, устроили каменные лестничные входы, а подалеку от места ее примыкания к Псковскому захabu – пилон (в плане 1,25×2 м) для поддержки настенного боевого хода. Вероятно, почти полной перекладке подверглась внешняя стена Псковского захабa, зато внешнюю стену Никольского захабa (ширина 1 м) сделали толще в 2,5 раза без разборки старой основы. По подсчетам А. Н. Кирпичникова, оказывается, что в 1430 г. у более 2/3 наружного обвода стен и башен Порховской крепости была удвоена толщина. Высота укрепления, количество настенных и башенных бойниц почти не изменилось. В ходе работ 1430 г. были усложнены и некоторые детали крепостного устройства – в толще прикладки первого-третьего ярусов Никольской башни была смонтирована опускная решетка с камерой для подъемного механизма. Основная особенность работ 1430 г. – создание одних из первых на севере Руси пушечных амбразур: наружные прорезы внутрибашенных бойниц были растесаны до 40–50 см и выведены в продолговатые (длина 2,2–2,7 м, ширина 0,5 м, высота около 1 м) отверстия, сделанные в прикладке. Пушечные бойницы были в плане воронкообразными, как бы составленными из двух неравных частей» (Антипов И. В. Новгородская архитектура времен архиепископов Евфимия II и Ионы Отенского. М., 2009. С. 191-192).

гривенок) и около 200 ружейных (арбалетных) амбразур намного повысило его обороноспособность⁷⁴. Приведение замка Порхов к «современным стандартам» косвенно указывает на участие в этом и европейских специалистов. Тем более, что через три года, когда на владычном дворе построили «полату камену, а двери у нея 30-ры», в летописи указано что ее «делали мастера Немечкьи, изъ заморья с Новгородчкыми мастерами»⁷⁵. В Порхове, по данным на конец XV века, за стенами находилась церковь святого Николая, двор владыки и 22 двора новгородских бояр. На посаде – двор наместника, 5 церковных и 68 черных дворов⁷⁶. Посад тянулся почти километр, вверх по течению реки Шелонь, до Старого Городища⁷⁷. Надо думать, за стенами находились дворы, в которых размещался гарнизон замка. В том числе и воины «владычина полка», как их еще называли «софьяне» или «владычена двора молодцы». Для них и был предназначен «владычный двор».

Про существование *Milites Christi* на Руси, я уже писал в статье о Шелонской битве⁷⁸, поэтому повторяться не имеет смысла. Дополню только относительно Новгорода. До правления архиепископа Евфимия II про прямое участие молодцев владычного двора в военных походах не упоминается. В середине XIV века они стоят в одном ряду с прочими судебными исполнителями призванными доставлять провинившихся на честный суд князя, посадников, архиепископа или тысяцких. Летопись новгородская судная грамота перечисляет последовательно дворян,

⁷⁴Кирпичников А. Н. Каменные крепости новгородской земли. С. 251-253.

⁷⁵ЛА. Стб. 179.

⁷⁶Андряшев А. М. Материалы по исторической географии Новгородской земли. М., 1914. С. 383.

⁷⁷Кирпичников А. Н. Каменные крепости новгородской земли. С. 216.

⁷⁸Селиверстов Д. А. Коростынская «пляска» и Шелонский «перепляс» 1471 года // История военного дела: исследования и источники. Специальный выпуск VII. Военная история Новгорода и Новгородской земли в XIV-XVII вв. Ч. III. 2020. С. 165-166.

подвойских, софьян, изветников, бирючей⁷⁹. Но с середины XV, при архиепископе Евфимий II, мы видим слуг двора владыки, совершенно в другой роли. В конце января 1435 году во время его визита во Псков, из-за возникших противоречий произошел сильный бой «псковичам с софьяны»⁸⁰. В конце года «владычнь дворъ молотце» участвуют в походе на Ржев и Великие Луки⁸¹. После смерти Евфимия II, в августе 1462 года «люди владычны», отмечены в походе против шведов наряду с боярскими дружинами и «ореховскими сельниками»⁸². Ну и самый известный случай – Коростнский бой во время Шелонской кампании 1471 года. Тогда «владычин стяг» не пришел на помощь судовой рати, мотивируя свой отказ отсутствием приказа от архиепископа⁸³. Эти скудные сведения позволяют предположить, что реальной боевой силой «софьяне» стали благодаря архиепископу Евфимию II.

Исследователи, в основном касались его строительной деятельности. В первую очередь грандиозной перестройке Владычного двора, находящегося в Новгородском детинце. Работы длились почти 30 лет, с начала 30-х до конца 50-х годов XV века, к ним широко привлекались иностранные специалисты. В результате получилась укрепленная городская резиденция, образцом которой служили дворцы светских и духовных иерархов

⁷⁹«а из Новагорода вась дворяны не позывати, ни подвойскими, ни Софьяны, ни изветники, ни бирицы» (ЛА. Стб. 80).

⁸⁰ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. ПЛ. М., 2000. С. 131.

⁸¹«Тое же зимы ездиха воеводы Новгородчкьи, посадник Иванъ Васильевичъ, посадник Григорей Кюриловичъ, тысяцкий Федоръ Олисиевичъ, Есифъ Васильевичъ, Онанья Семеновичъ, Остафья Норовыхъ, и бояри Новгородчкьи и Новгородци, а с Рушани Федоръ Остафьевичъ, Михаило Буносовъ, и владычнь дворъ молотце, и Порховичи, ратью на Ржеву» (ПСРЛ. Т. IV. Новгородская IV летопись (далее - НВЛ). М., 2000. С. 453).

⁸²«и Новгородци послаша противу Немечкыхъ детей к городу Орешку князя Василья Васильевича Низовьского, а с нимъ людей старейшихъ и владычнихъ, Ореховскыхъ сельников» (ЛА. Стб. 110).

⁸³«А коневаа рать не пошла к пеши рати на срок в пособіе, зане же владычень стягъ не хотяху оударитеса на князю рать, глаголющее: «владыка намъ не велель на великого князя руки подынути, послалъ насъ владыка на Псковичъ» (НВЛ. С. 446).

Западной Европы. Д. А. Петров, довольно аргументировано показывает, что инициатором и руководителем проекта, и лицом, привлечшим к нему иноземцев, мог быть только владыка Евфимий II⁸⁴.

Попытаюсь расширить и углубить утверждение уважаемого исследователя архитектурных памятников и показать, что Владыка мог руководить не только строительными проектами, но и военными. Соответственно привлекать для них иностранцев. Тем более что грань между зодчим и воином в те времена была очень зыбкой. Строители были фортификаторами, фортификаторы – артиллеристами, артиллеристы нередко становились воеводами, как Аристотель Фьораванти, который+ к тому еще и деньги чеканил. Люди Возрождения были развиты разносторонне, что, к сожалению, не может понять часть тех, кто сейчас изучает их дела.

Отталкиваться будем от «военной архитектуры» владыки сопоставляя ее достижения с обычными «военными» делами. После модернизации Порхова, кроме обширного церковного и гражданского строительства было сооружено несколько «оборонительных объектов». В 1443 году архиепископ для размещения личной стражи, построил на своем дворе в Детинце особое каменное помещение – «сторожню». В 1448 он едет в Ям город и закладывает новую, каменную крепость. В 1451 – 1452, по его приказу, на владычном дворе, для «молодцев», возводят более обширное, двухэтажное каменное здание «молодечную»⁸⁵.

Необходимость модернизации замка в Порхове, была вызвана угрозой со стороны Литвы. Смерть великого князя Витовта 27 октября 1430, несколько ослабила эту угрозу, но привела к началу гражданской войны в

⁸⁴Петров Д. А. Владычный двор в Новгороде (1430-1450-е гг.). К вопросу о происхождении архитектурной композиции // Новгородский исторический сборник. 14 (24). В. Новгород, 2014. С. 132-134.

⁸⁵«сторожню камену в своем дворе», «езди владыка Евфимей на городокъ на Яму, и заложиха городокъ новъ, камень, охабень болши перваго»; «чашьницу камену и молодечкую в другиы ряд» (ЛА. Стб.184, 912-193).

Литве. 2 июля 1431 умер митрополит Фотий, его смерть вызвала новый виток династической войне на Московской Руси. Владыка Евфимий II оказался в непростой ситуации, рассчитывать приходилось только на свои воинские силы. А эти силы, как и укрепления Порхова, надо было создавать заново, опираясь на ресурсы дома Святой Софии. Благо пример для подражания был недалеко, за озерами – «Старая Ливония» (*Livonia antiqua*). На тот момент это сложное политическое образование состояло из пяти самостоятельных «духовных» государств: рыцарского Ливонского ордена, архиепископства Рижского и трех епископов – Дерптского, Эзель-Викского, Курляндского⁸⁶. У каждого святого отца была своя армия. В середине следующего, XVI века, по реестру воинских сил архиепископ Рижский должен был выставлять 600 коней, епископ Дерптский – 700, Куляндский и Эзельский – 400 коней вместе⁸⁷. Думается, за сто лет ситуация не сильно поменялась и в середине XV века, порядок цифр был примерно таким же.

Дому Святой Софии, по всей новгородской земле, принадлежало 8464 обжи пахотной земли⁸⁸. С этих земель, можно было собрать от 280 до 700 коней (всадников), в зависимости от нормы сбора (с 30 или с 12 обж). Либо, если верно предположение о «40-ка рублевом копье» – 280 копий (840 коней). Но что бы из трех всадников сделать «копье», следовало снабдить людей соответствующим вооружением и лошадьми. После чего научить их всем этим пользоваться. Затем объединить «копья» в более крупный отряд – «стяг» (хоругвь, знамя).

Этим, скорее всего и занялся, инок на сених Евфимий в начале 30-х годов, в модернизированном по западному образцу

замке Порхов. Выбор именно этого места не был случаен. Из 320 обж⁸⁹ земель Порховского Окологородья 112 принадлежало дому Святой Софии, а всего в ближайших волостях и погостах (Шелонской пятине) – 952 обж⁹⁰. Лучших людей обязанных служить с этих земель, можно было одеть в немецкие латы, посадить на немецких коней и обучить действовать рыцарскими копьями. Тем, что похуже, дать арбалеты с латами и направить в помощь лучшим. А уж совсем «молодых» обучить пальбе из пищалей. Нужны были деньги на доспехи и инструкторов. Деньги имелись, а инструкторы, как и строители, находились без труда. Ливонский Орден в литовской войне был союзником великого князя Свидригайло, с которым послы Господина Великого Новгорода, 25 января 1431 года возобновили ранее действовавший договор⁹¹. После чего, попросили его, прислать для защиты от Москвы князя Юрия Лугвеневича (Семеновича) Мстиславского⁹². Впрочем, пользу от этого внука Дмитрия Донского Новгород получил минимальную. В 1431 году он находился при великом князе Свидригайло, 8 декабря 1432 при Ошмянах, попал в плен к князю Сигизмунду. В октябре 1433 сбежал и возглавил оборону Мстиславля, который три недели безуспешно осаждали войска князя Сигизмунда⁹³. Только после этого, в самом конце осени он появился в Новгороде⁹⁴. Оставил там жену, и вновь ринулся на помощь князю Свидригайло, разделив с ним горечь поражения на реке Святой 1 сентября 1435 года. Номинальное княжение князя Юрия Семеновича принесло Новгороду единственную пользу: находясь формально в союзнических отношениях с Ливонским Орденом, Евфимий мог

⁸⁶Бессуднова М. Б. Россия и Ливония в конце XV века. М., 2015. С. 53.

⁸⁷Дзярновіч А. І. «Militares Livoniensum»: Рэстр лівонскага войска пад Пасволем у 1557 г. і праблемы мілітарнай гісторыі рэгіёна // *Studia Historica Europae Orientalis*. Исследования по истории Восточной Европы. Вып. 12. Минск, 2019. С. 184.

⁸⁸Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. С. 202.

⁸⁹Андріяшев А. М. Материалы по исторической географии Новгородской земли.. С. 384.

⁹⁰Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. С. 200.

⁹¹Собрание государственных грамот и договоров. Ч. I. М., 1813. № 19. С. 24-25; ГВНП. № 63. С.105-106; Янин В. Л. Новгородские акты XII-XV вв. М., 1991. С. 177-178.

⁹²Полехов С. В. Наследники Витовта... С. 256.

⁹³Там же. С. 588.

⁹⁴ЛА. Стб. 178.

беспрепятственно заказывать там вооружение для своих молодцев.

Между тем на Московской Руси междоусобная война тоже полыхнула с новой силой. 16 марта 1434⁹⁵ года князь Юрий Дмитриевич, в очередной раз разгромил своего племянника князя Василия Васильевича на речке Могзе у села Никольского. Разбитый князь Василий бежал в Новгород, где и появился «на Святой неделе, апреля в 1 день». Беглец обосновался на Городище, но новгородцы не пожелали его принять и «выеха весь Великы Новгородъ ратью в поле» к ручью Жилотуг (Малый Волховец). Князь Василий Васильевич не решился спорить с хозяевами и 26 апреля покинул Городище и уехал в Тверь. «Чернец на снях» Евфимий понял, что далее тянуть с рукоположением не стоит. 11 апреля он отправился в Смоленск к митрополиту Герасиму, который рукоположил его в архиепископы 4 мая. 26 мая новоиспеченный архиерей вернулся в Новгород. Вскоре его ожидал визит ещё одного претендента на московский престол князя Василия Юрьевича. Тот после смерти отца последовавшей 5 июня, объявил себя великим князем, но не был признан даже своим братьями. В надежде обрести поддержку в Новгороде, князь Василий Юрьевич бросился туда, но получил отказ. Он ушел к Костроме, по дороге, в отместку, пограбив по Мсте. Бежецкому Верху и Заволочью⁹⁶. Заволочье откололось («отъясая») от Новгорода и признало его власть⁹⁷.

Все эти события, по-видимому, подтолкнули владыку Евфимия испробовать своих молодцев в деле. Объектом для эксперимента избрали Псков. Во время рукоположения «чернца» Евфимия, в Смоленске находился и великий князь литовский Свидригайло⁹⁸, скорее всего с новгородским князем Юрием Лугвеневицем. При помощи последнего, владыка Евфимий мог получить от Свидригайло разрешение на

подчинение Пскова, который к тому времени стал практически независим. Псков, в свою очередь, остался один на один с Новгородом, так как Москве стало не до него. Летом 1434 года Псков прислал посольство с просьбой заключить мир «по старине», то есть на условиях подчинения. Что и было сделано «месяца июля 22 в четверг». В январе 1435 владыка Евфимий поехал в Псков в сопровождении своей охраны устанавливать свои порядки в судебных делах и церковных сборах. Стороны не пришли к взаимопониманию, в результате из-за возникших противоречий произошло боевое столкновение: «сталь бои псковичам с софьяны». Победили владычные молодцы, псковский летописец очень сильно горевал по этому поводу: «попомъ и игоуменомъ оучиниль протора много, не бывало такъ ни от пръвых владыкъ, боудеть и Псковъ сталь, по нашим грехомъ»⁹⁹.

В 1435 году политическая ситуация резко поменялась. 1 сентября князь Свидригайло потерпел жестокое поражение от своего соперника князя Сигизмунда на реке Святой под Вилькомиром. На Русь потянулись беглецы из его разбитого воинства, самым известным, наверное, был Иван Баба Друцкий, он сначала обосновался в Пскове, а потом, по приглашению князя Василия Васильевича, поехал в Москву. В Новгороде, воспользовавшись безвластием в Литве, решили разобраться со своими бывшими подданными – жителями Ржевы (Пустой) и Великих Лук, которые «не почаша дани давати новгородцемъ»¹⁰⁰.

Великие Луки и Ржева Пустая с окружавшими их землями находились в совместном литовско-новгородском управлении¹⁰¹. Нам известна более поздняя схема взимания налогов с этих территорий¹⁰², но мы не знаем какой она была в 30-х годах XV века. Возможно, после «порховского позорища» Новгород и вовсе потерял контроль над ними. Так или иначе, но поход стал общим новгородским предприятием.

⁹⁵«месяца марта въ 16 день, въ вторник на вербной недели» (ПЛ. Вып. 2. С. 129).

⁹⁶ЛА. Стб. 179.

⁹⁷ПЛ. Вып. 2. С. 131.

⁹⁸Полехов С. В. Наследники Витовта..... С. 588

⁹⁹ПЛ. Вып. 2. С. 131.

¹⁰⁰Там же. С. 132.

¹⁰¹Янин В. Л. Новгород и Литва. М., 1998. С. 6.

¹⁰²Акты Западной России. Т. I. СПб., 1846. № 71. С. 87-92.

Войском руководили воеводы, в их числе: два посадника – Иван Васильевич Сокира и Григорий Кириллович Посахно; четыре тысяцких Федор Елисеевич, Иосиф Васильевич Носов, Ананий Семенович и Остафий Норов. Посадники, по одному от «стороны», командовали «боярами новгородскими». Тысяцкие по два от «стороны» – прочими «новгородцами». Еще в войско входило ополчение из Русы – «рушане». Им командовали воеводы, из новгородских бояр, Федор Остафьевич Своземцев и Михаил Буносков. Кроме них – воины архиепископа – «владычана двора молодцы» и отряд из Порхова, воеводы которых не указаны¹⁰³. Молодцы владычного двора в росписи войска стоят вместе с порховскими владетелями, возможно, составляли с ними одно подразделение, что подтверждает предположение об особой роли замка в деле создания «владычного стяга» по западному образцу. Вряд ли их тогда было много. Может быть копий 30 – 30 латников с копьями и 60 латных конных стрелков.

Поход оказался успешным, новгородцы решили таким же образом поступить с совместными новгородско-московскими владениями. Тут до войны дело не дошло: «Той зиме князь великий Василей Васильевич целоваше крестъ к Новгородчю, а Новгородчи ко князю великому целоваша крестъ, отступитися князю великому Новгородчю отчины, Бежичкого Верха, и на Ламском Волоке, и на Вологде, а Новгородчим бояром отступитися княщинъ, где ни есть». Договорились о «разводе» земель на Петров день – 29 июня¹⁰⁴. Но великий князь своих людей не прислал. На то были веские причины. 14 мая 1436 князь Василий Васильевич победил и захватил в плен своего врага князя Василия Юрьевича. В связи с этим, выполнять клятвы данные ранее не

имело смысла. Позиция Москвы в отношении Новгорода стала намного жестче. Новгородцам пришлось идти на поклон к литовскому великому князю Сигизмунду и заключать договор «по старине». После этого неприятности стали сыпаться одна за другой. В начале 1437 года с Москвы прибыл «первый боярин и воевода» князь Юрий Патрикеевич и потребовал экстраординарный налог – «черный бор». Затем стало известно о прибытии на кафедру из Константинополя нового митрополита Исидора. Он появился в Москве 2 апреля и потребовал к себе русских иерархов. Летом владыка Евфимий поехал на поклон. А осенью и сам митрополит приехал в Новгород по дороге на Флорентийский собор. 9 октября он прибыл в Новгород¹⁰⁵, где пробыл 7 недель. Все это время Исидор склонял Евфимия к унии с Римом, но безуспешно. 6 декабря, на Николу зимнего митрополит находился уже во Пскове, где совершил то, к чему Псков стремился почти 100 лет со времен Болотовского договора. Он вывел Псковское духовенство из-под власти новгородской епархии и утвердил там своего наместника – архимандрита Геласия, отдав ему церковный суд, земли и подати¹⁰⁶. Фактически Псков стал независим от Господина Великого Новгорода.

Вскоре в Литве вновь поменялась власть, великого князя Сигизмунда убили 20 марта 1440 года. На престол возвели младшего сына короля Владислова Ягайло Казимира. Первыми к нему послали послов псковичи. В заключенном 30 декабря 1440 года договоре, они объявили себя независимыми как от Новгорода, так и от Москвы¹⁰⁷.

Новгородцы так поступить не могли, так как 3 марта 1438 года к ним вернулся князь Юрий Семенович, который как только узнал об убиении Сигизмунда, вновь бросился в Литву, воевать за Смоленск, куда его позвали княжить¹⁰⁸. Зимой 1440 – 1441

¹⁰³«Тое же зимы ездиса воеводы Новгородчкыи, посадникъ Иванъ Васильевичъ, посадникъ Григорей Кюриловичъ, тысяцкыи Федоръ Олисеевичъ, Есифъ Васильевичъ, Онанья Семеновичъ, Остафья Норовыхъ, и бояри Новгородчкыи и Новгородци, а с Рушани Федоръ Остафьевичъ, Михаило Буносковъ, и владычнъ дворъ молотце, и Порховичи, ратью на Ржеву» (НВЛ. С. 453).

¹⁰⁴ЛД. Стб. 179-180.

¹⁰⁵Там же. Стб. 181.

¹⁰⁶«постави архимандрита во Пскове Геласея, и отнят соуд и печать и воды и земли и оброк владычень и вся пошлины владычня, и дасть и тоу послиноу владычню всю своему наместникоу архимандритоу Геласию» (ПЛ. Вып. 2. С. 133).

¹⁰⁷ГВНП. № 335. С.321-322.

¹⁰⁸ЛД. Стб. 181-182.

дошло до войны с Москвой¹⁰⁹. Псков выступил на стороне великого князя. Псковское войско три дня осаждало Порхов, а отряды псковичей грабили новгородские границы на протяжении 300 верст, вторгаясь на глубину в 50 верст¹¹⁰. Великий князь Василий Васильевич наступал от Торжка к крепости Демон, вместе с ним шла и «тверская сила» с воеводами Александром Романовичем и Карпом Федоровичем¹¹¹.

Крепость Демон была взята, войсками великого князя Василия. При этом погиб «Мятля Порховской»¹¹². Судя по всему, «Мятль» прозвище, так в Новгороде называли плащ из сукна¹¹³. Мятль являлся статусной вещью, служил военной или церемониальной одеждой князьям и их слугам¹¹⁴. Само слово, заимствование из немецкого языка. Кем был этот Мятль, неизвестно. Возможно воеводой из Порхова, может «молодцем владычного двора», а может и тем и другим одновременно. Существует и другая версия объяснения слова «мятля». По ней, это не имя, не прозвище, а должность – «мятельник (метельник)». Согласно утверждению А.А. Горского так звали: «отрока – члена младшей дружины, выполнявшего обязанности помощника вирника – по функциональному признаку»¹¹⁵. В таком случае, можно предположить, что погибший был

помощником сборщика судебных сборов (виры) владычного суда в Порхове и его окрестностях и входил в число «молодцев владычного двора». Если он погиб при обороне Демона, то часть владычного полка была переброшена в крепость из Порхова или Новгорода.

После падения Демона, противопоставить врагу было нечего. Достоинство вел себя только гарнизон Порхова. Опять пришлось откупаться. Делегация от Новгорода, во главе с владыкой Евфимием встретила с великим князем под Демоном, заключила мир «по старине» и заплатила 8000 рублей¹¹⁶. Пока великий князь Василий воевал, у него 22 января родился сын Юрий¹¹⁷.

Чтобы спастись от Москвы, в конце 1441 года, Новгород заключил договор, тоже «по старине», с великим князем литовским Казимиром¹¹⁸. Между тем, великий князь Василий, победив Новгород, решил расправиться с последним соперником – князем Дмитрием Юрьевичем Шемякой. В начале 1442 года он совершил набег на Углич, где в то время находились князья Дмитрий Шемяка и Иван Андреевич Можайский. Князя Шемяку предупредили доброты, и он успел убежать в Бежецкий Верх. Из-за начавшейся весенней распутицы преследование стало невозможным. Великий князь вернулся в Москву и переманил к себе великими посулами князя Ивана Андреевича¹¹⁹. Потеряв союзника, князь

¹⁰⁹«На зиме князь великий Московский Василий Васильевич взверже нелюбе на Новгород Великий, присла грамоту розметную и повоева волостей новгородчких много» (ПСРЛ. Т. III. Новгородская I летопись. М., 2000. С. 421).

¹¹⁰«И совокупивше псковичи свою власть и вси пригороды, и поидоша на Новгородскую власть князю великому в помощь, и воеваша Новгородскую власть, и под Порховомъ стояша три дни. И повоеваша псковичи Новгородския власти на триста версть, а в ширину на пятьдесят версть, от литовьскаго рубежа и до немецкаго» (ПЛ. Вып. 1 С.45).

¹¹¹Тверской сборник. Стб. 491.

¹¹²«Тое же зимы князь велики ходил на Новгород и Демон взял, а Мятля убили Порховского» (ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Софийская вторая летопись. М., 2001. Стб. 102).

¹¹³Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 307, 308, 480, 762..

¹¹⁴ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 2000. С. 464.

¹¹⁵Горский А.А. Древнерусская дружина. М., 1989. С. 70.

¹¹⁶«новгородцы же послаша архиепископа Еуфимия и с ним бояре и житийи люди, и наехаша его в Деревях, у города у Демяна, и докончаша мир по старине, и даша ему 8000 рублей» (ЛА. Стб. 182).

¹¹⁷МЛС. С.262.

¹¹⁸ГВНП. № 70. С.115-116; Янин В. Л. Новгородские акты XII-XV вв. С. 178.

¹¹⁹«Князь велики роскынулъ со княземъ съ Дмитреемъ съ Шемякою и поиде на него къ Угличю, онъ же побеже въ Бежицкыи Верхъ, и князь велики за нимъ; и изгонити было его князю великому, и подалъ ему вестъ Кулодаръ Ирешьскыи. Онъ же убеже, а Кулодаря князь велики доличився, да велел и кнутъемъ бити, по станомъ вода, да и дьячество отнялъ у него, а самъ до Киясова дошедь, да воротился, весне бе сущи, и пришедь на Москву, братью и вси люди распусти по домом. А со княземъ съ Дмитреемъ князь Иванъ Можайскы въ одиначестве былъ на Угличю у него, и князь велики его отъзвалъ, а далъ ему Суздаль,

Дмитрий Шемяка, из Бежецкого Верха послал послов в Новгород, с предложением себя в качестве князя новгородского. Новгородцы смутились и согласно летописи предложили ему самому решить этот вопрос: «как тебе княже любо»¹²⁰. Вероятно, как альтернативу, владыка Евфимий предложил князю Дмитрию Шемяке приветить литовского беглеца князя Александра Чарторыйского, которого великий князь Василий лишил богатого кормления. Этот союз удался, и великий князь чуть было не лишился Москвы. Но про это уже писалось выше в рассказе о князе Чарторыйском.

В 1442 году, в порядке обустройства владычного двора владыка Евфимий, повелел возвести каменную кухню («поварню») и каменное помещение («комнату»), скорее всего столовую для стражи. Вместе с возведенным ещё в 1439 каменным хлебохранилищем («ключница хлебная») во владычной части Детинца сложился комплекс хозяйственных построек способных обслужить воинский гарнизон. Для стражи в 1443 построили специальное каменное помещение – «сторожню». А рядом, место для исповеди («духовницу») ¹²¹. Исповедь и причастие для человека средневековья были очень важны, а тем более, для человека военного, вынужденного в походе вольно или невольно грешить. Грех мог быть небольшим, вроде как «а в пост мясо ели», а мог быть огромным. Про такие, позже специальные вопросы существовали: «Или на воех в войске человека, повинувшагося пред тобою, вернаго или невернаго, убивал еси? Или младенца не убивьвал ли еси в ратном деле, непротивящагося с тобою? И в ратном деле в станех оружии или порт, или лошадеи, или иного чего не украдывал ли еси, или находом

а преже былъ за Черторижьскимъ» (Ермолинская летопись. С.150-151).

120«и онъ отбежа в новгородчкыи Бежичкыи верхъ, и много волостемъ пакости учини; и присла в Новьгород посоль: «что бы есте мене прияле на своей воле». Новгородци же отвечааша: «хощь, княже, и ты к намъ поеди; а не въсхощь, ино какъ тебе любо» (НЛ. С. 422).

¹²¹«Постави архиепископъ великого Новагорода владыка Еуфимей духовницу камену и сторожну камену въ своемъ дворе» (там же. С. 423).

что нахаживал еси чюжее, и ведаа погубившаго в печали суша, не возвратил еси ему? И пленну девицу или жену осквернивал еси блудом, или чюжу рабу или свою насильством?»

По вопросу: что собой представляло построенное здание, и где оно находилось, среди исследователей, общего мнения нет. Но скорее всего, прав И.В. Антипов, и мы можем увидеть его на так называемой Михайловской иконе XVIII века, изображенным слева от въездных ворот владычного двора¹²².

Судя по иконе это было двухэтажное здание, служившее, одновременно, и жилым помещением, и крепостной стеной, с окнами-бойницами. Помещение выглядит довольно вместительным, надо думать, владыка, решил перенести место размещения и обучения воинов своего стяга из Порхова в Новгород. Скорее всего, это было вызвано войной с Ливонским Орденом.

Война длилась с 1443 по 1448 год. Не вдаваясь в подробности о причинах и поводах конфликта, отметим, что одной из них был запрет на вывоз из Ливонии лошадей. Со стороны Ордена это был шаг вынужденный¹²³. После разгрома под Вилькомиром ему надо было восстанавливать свою боевую мощь, а без лошадей сие невозможно. Но Новгороду тоже нужны были лошади для своих воинских нужд, и судя по всему год от года все больше и больше. Большой войны не хотел никто. Отдельные боевые столкновения чередовались с переговорами. Ситуацией пытался воспользоваться великий князь литовский Казимир. Он предложил

¹²²«Возможно, сторожня сохранялась еще в XVIII в. Опись 1763 г. показывает к югу от ворот, на которых в XV в. находилась церковь св. Иоанна Златоуста, «сторожню с сенми» /Опись 1763: 217/. Поскольку помещение для сторожей должно было располагаться на внешней линии построек Владычного двора, у въездных ворот, вполне вероятно, эта постройка и была той самой сторожней известия 1443 г. Именно это сооружение мы можем видеть на изображении новгородского Детинца на Михайловской иконе 1700–1701 гг. к югу от церкви св. Иоанна Златоуста» (Антипов И. В. Новгородская архитектура времен архиепископов Евфимия II и Ионы Отенского. С. 222-223).

¹²³Бессуднова М. Б. Война Ливонского ордена с Новгородом 1443-1448 гг. С. 80.

Новгороду защиту, при условии признания его верховенства, прислал в помощь князя Ивана Владимировича Бельского. Но новгородцы отказались¹²⁴. Война продолжалась, приняв форму вялотекущего конфликта.

Со стороны Новгорода, в начале, война велась силами дворов служилых князей Ивана Владимировича Бельского и Василия Юрьевича Суздальского¹²⁵. В 1444 году, князь Бельский уехал, по велению великого князя литовского Казимира. Новгородцы решили повоевать сами. В мае месяце в крепость Ям город в помощь князю Василию Юрьевичу, водным путем, скорее всего, через Ладогу, Орешек, по Неве и Финскому заливу направили войско. Шведский наместник крепости Выборг Карл Кнутссон оценил его численность в 2500 человек¹²⁶. Ливонские немцы, узнав об этом, нанесли упреждающий удар: атаковали Ям город. Однако ничего не добились и ушли. Прибывшее новгородское воинство, состоявшее из ижорских бояр, лужских и водских своеземцев преследовать ливонцев отказалось, сославшись на падеж в конях¹²⁷. Надо думать, по воде везли самих воинов, вооружение и припасы, а коней гнали по суше, но как-то неудачно. Осенью было заключено перемирие на два года. В довершение всего, в спину нанес удар тверской князь Борис Александрович. Он в течении двух лет планомерно грабил южные рубежи Господина Великого Новгорода¹²⁸.

За время перемирия с Орденом новгородцы попытались наладить закупку лошадей в Моравии и там же набрать

наемников. Для этого нужны были деньги. С целью их добыть в 1445 году организовали не совсем удачный поход новгородского боярина со Славенского конца Василия Степановича Шенкурского¹²⁹ и воеводы Михаила Яковля (Яковлева) на хантов (Югру) силами жителей Двинских земель («ратью заволочкою») численностью в 3000 человек¹³⁰.

Следом, 7 августа, туда же отправился и владыка Евфимий, официально что бы «благославить свою вотчину», а на самом деле – за данью. Вернулся владыка нескоро – 23 января 1446, пробыв в походе полгода¹³¹.

К весне 1447 года, согласно германским данным ожидалось прибытие в Новгород наемников и 600 лошадей¹³². Прибыли ли наемники или нет, неизвестно. Но новгородцы смогли переманить к себе из Пскова князя Александра Васильевича Чарторыйского, который принес им победу, о чем было написано ранее. Относительно количества лошадей, можно предположить, что именно столько их требовалось на тот момент для «реформированного» новгородского воинства.

Одновременно со съездом на Нарове, где новгородские послы заключили мир с Ливонией, в июле 1448 года, владыка Евфимий приехал в Ям город. Там под его руководством заложили новую каменную крепость, намного больше существовавшей цитадели¹³³. А.Н. Кирпичников положил много сил на изучение крепости Ям города. Основная трудность заключалась в том, что укрепления неоднократно перестраивались в течении последующих веков. Ему удалось реконструировать вид крепости на 1500 год, после перестройки проведенной уже московскими властями. При этом он отметил,

¹²⁴«А из Литвы князь великий Казимиръ присла в Новьгород, а рка такъ: «возмите моихъ намѣтниковъ на Городище, а язъ васъ хочю боронити; а съ княземъ есмь с московскимъ миру не взялъ васъ дѣля»; и новгородци по тому не яшася» (НЛ. С. 424).

¹²⁵ЛА. Стб. 185.

¹²⁶Бессуднова М. Б. Война Ливонского ордена с Новгородом 1443-1448 гг. С. 81.

¹²⁷ЛА. Стб. 185.

¹²⁸«князь тферьскыи Борисъ, приславъ своихъ воевод на Торжокъ, останокъ людеи разгна и пограби, а иныя погуби, а иныя на окупъ подая; а животовъ и товара московского и новгородчкого и новоторьского сорокъ павосковъ свезе въ Тферь, а иныя павоскы потопиша в реце с товаромъ; а в Бежичкомъ верху и по Заборовью осмидесят волостей повоева въ два году» (НЛ. С. 426).

¹²⁹Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 87-88.

¹³⁰«Того же лета Василии Шенкурской и Михаила Яколь, воеводы новгородчкыи, поидоша ратью заволочкою въ трех тысяцахъ на Югру» (НЛ. С. 425).

¹³¹«поеха за Волокъ благословити новгородчкую отчину и свою архиепископью и своихъ детеи» (там же. С. 426).

¹³²Бессуднова М. Б. Война Ливонского ордена с Новгородом 1443-1448 гг. С. 81.

¹³³«Тогда же, езде владыка Евфимий, на городокъ, на Яму и заложиша городокъ новъ, камень, охабень болши перваго» (ЛА. Стб. 192).

что «при изучении Ям города XVI в. обнаружены черты, указывающие на его более раннее, так сказать новгородское существование. С наибольшей достоверностью, эти черты проявились в планировке некоторых частей стен, в южной башне и храме детинца. Исходя из этого, позволительно утверждать, что при реконструкции Ямы, часть ее новых укреплений делали (как это имело место в Ладоге, Копорье и Новгороде) по старой основе, а кое-где эту основу сохранили в неизменном виде»¹³⁴.

Следуя наставлениям мэтра, можно предположить, что крепость, возведенная при непосредственном участии владыки Евфимия, состояла из двух частей: детинца и окольного города. Детинец – старый замок, возведенный в 1384 году, в плане приближался к трапеции, периметр стен около 180 м, с четырьмя башнями и церковью святого Михаила Архангела внутри. Стены окольного града являлись как бы продолжением стен детинца. Они огородили, используя естественный рельеф местности, часть сожженного в ходе войны посада. В результате получились две вписанные друг в друга трапеции. Новая крепость стояла на высоком обрывистом берегу Луги, восточная стена ее была слегка вогнута, повторяя изгиб русла реки. Внешний периметр стен достигал 720 м, площадь крепости составляла около 2,5 га. В ней было не менее 9 башен и двое ворот – одни выходили к реке, другие в поле, вниз по течению реки.

Ям город имел одну особенность. После постройки замка в 1384 г, вокруг него возникло поселение, жители которого, по большей части являлись «военными поселенцами» обязанными этот замок защищать. За исполнение этой повинности, они получили земли от Господина Великого Новгорода и право получать оброк с ближайших сел¹³⁵. Назывались они своеземцами. В переписи 1500 года проведенный московскими властями, по «старому письму», то есть по состоянию на

момент присоединения, в Ям городе числился 201 двор, а в них проживало 257 человек, ещё 14 дворов были пустыми. По «новому письму», то есть по факту на момент переписи, число дворов возросло до 237, а людей до 331¹³⁶. По-видимому, это произошло благодаря модернизации крепости в самом конце века и улучшению жизни населения после присоединения к Москве (оброк с города был уменьшен с 8 до 6 рублей). Население в переписи поделено на две группы: «своеземцев» и «городчан». К сожалению, соотношение дано только по «новому письму». У своеземцев числилось 150 дворов, а в них 221 человек, городчан – 87 дворов и 110 человек. Интересно, что в самом городе находилось только 13 жилых и 8 осадных дворов своеземцев, в которых записано 20 своеземцев и 8 дворников, а так же 9 дворов городчан с 15 жителями. Интересна градация самих своеземцев, по дворам: 40 числились «лучшими», 50 – «средними», 60 – «молодыми», по людям – 67, 69, 85 соответственно¹³⁷. Вполне вероятно, что в 1448 году, все население Ямгорода состояло из своеземцев, а сам город, должен был стать своеобразным лагерем для обучения окрестных своеземцев навыкам немецкого и литовского боя. Аналогично тому, как ранее это уже делалось в Порхове. Но если в Порхове в основном «реформировались» владычные слуги, то в Ям городе – «государственные министерялы». Эти своеземцы – сельники ямгородские, лужские, ореховские, копорские, ижорские, корельские и прочие, на плечах которых лежала основная тяжесть войны с Орденом, лучше всех понимали пользу такого начинания. Из соотношения числа своеземцев Ям города, можно предположить, что они составляли стяг (хоругвь) из 40 копий. 40 «лучших» своеземцев, служили конными латными копейщиками; 40 «средних» – конными латными стрелками; 40 «молодых» – оруженосцами (тоже конные стрелки, но с более легким доспехом. Оставшиеся, 10

¹³⁴Кирпичников А. Н. Каменные крепости новгородской земли. С. 184-208.

¹³⁵Там же. С. 181-182; Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. М.-Л., 1961. С. 125-127.

¹³⁶Новгородские писцовые книги. Т. III. СПб., 1868. Стб. 884-885.

¹³⁷Бернадский В. Н. Новгород и новгородская земля в XV веке. С. 125.

«средних» и 20 «молодых» составляли гарнизон и несли «городовую службу».

Третий «тренировочный центр», скорее всего, стал действовать в новгородском Детинце, после того, как Владыка в 1450 году приказал укрепить («покрипливати») его стены и возвести на своем дворе казарму для стражи – «молодецкую». Первая «молодецкая» обвалилась той же осенью, но в 1452 году «чашьницю камену и молодецкую» возвели «в другой ряд»¹³⁸. Сразу оговорюсь, что версию происхождения слова «молодецкую», от слова «молодог» (солод), встречающегося в берестяных грамотах¹³⁹, я, не считая верной. Иначе, придется признать, что в 1338 бунт карелов усмиряли новгородские производители солода¹⁴⁰. В Новгороде, надо думать, перенимать западный опыт, должны были дружины новгородских больших бояр.

Все эти усилия по повышению обороноспособности происходили на фоне обострения отношений с Москвой. С тех пор как Господин Великий Новгород в декабре 1447 года признал великим князем Дмитрия Юрьевича Шемяку¹⁴¹, столкновение стало неотвратимым. Оно произошло 3 февраля 1456 года, где новгородское войско выглядело вполне «по-европейски». Данный факт и дал основание Г.В. Абрамовичу написать строки, с которых начались наши блуждания в поисках истины. Интересен вопрос: участвовали ли молодцы владычного двора в битве под Русой? Прямых указаний нет. Но про владычный полк (стяг) их вообще очень мало. Причем в одних летописных списках, рассказывающих о событии, упоминание есть, в других – нет. К примеру, об участии владычного двора в зимнем походе 1435-36 на Ржеву Пустую и Великие Луки, говорится только в Новороссийском списке IV Новгородской летописи. В других списках этой же летописи про них не написано, как и в I Новгородской, и в Летописи Авраамки. Аналогично может быть

и с 1456 годом. Но в описании сражения имеется одна зацепка.

Летописец довольно подробно перечисляет потери новгородцев: погибли «старый» посадник Есиф Носов и его внук Афанасий. Во время преследования победители захватили в плен троих «больших» бояр: Михаила Тучу, Трифона Юрьевича (Труфана) и Микиту Фаустова. Их отвезли к великому князю¹⁴². Из всех убитых и плененных бояр не поддается идентификации только один – Микита Фаустов, несмотря на свое отчество, редко встречающиеся на Руси. Отчество, или прозвище, явно нерусское. Не было среди множества новгородских бояр человека с таким именем. В переводе с латыни Faustus значит «Счастливый». В летописи отчество дано в немецком произношении – Faust. Некоторые пишут, что немцы так могли звать драчуна, человека с большими кулаками. Мог ли он быть немцем? Возможно. Тут следует вспомнить про владычный стяг. Именно им мог командовать немец, которым был владычный боярин Микита «Счастливый Кулак». А может он был из Моравии, прибыл в Новгород весной 1447 как наемник¹⁴³, да так и остался?

Кроме того, следует помнить, что войско для похода собрали спешно, из тех воинов, что были в Новгороде. Таковыми были – дворы служилых князей расквартированных на Городище и стража владычного двора постоянно находившейся при архиепископе в своей казарме – «молодецкой». Именно они должны были стать костяком набранной рати. Была еще одна, чисто экономическая причина: в Русе церкви принадлежало более трети дворов солеваров. Например, на долю новгородского Юрьева монастыря в Роговом конце города

¹³⁸ЛА. Стб. 192-193.

¹³⁹Зализняк А. А. Древненовгородский диалект.. С. 761.

¹⁴⁰«а Новгорочкые молодцы воева Городечкую Корелу». (ЛА. Стб. 70)

¹⁴¹Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. Москва. 2008. С. 280-281.

¹⁴²«На первомъ суйме Новгородчкыхъ боярь убьень бысть Есифъ Васильевичъ Носовъ, Офонось Богдановичъ сынъ посадничъ, а раненыхъ и битыхъ много, и те прибежавше в Новгородъ и помроша, но не бояре, но молодии люди; а иныхъ Новгородчкыхъ бояр поймавше, и ведоша къ князю: Михаилу Тучю, да Труфана, Микиту Фаустова» (ЛА. Стб. 195).

¹⁴³Бессуднова М. Б. Война Линонского ордена с Новгородом 1443-1448 гг. С. 81.

приходилось 109 дворов из 256¹⁴⁴. Церковное имущество, и спасать от врага следовало церковному воинству.

Первый опыт применения «армии новой модели» оказался неудачным. Причинами, скорее всего, была горячность воеводы князя Василия Васильевича Суздальского, несогласованность действий отдельных подразделений и отсутствие опыта полевых сражений у большинства участников. Но для нас главное, то, что про изменения произошедшее в новгородском воинстве написали его противники. А значит, они действительно были. Причем изменения ощущались во всех его составных частях. Такого мог добиться только человек, обладавший одновременно сильной волей, административной властью, большими финансовыми средствами и собственными силовыми структурами. А таковым был архиепископ новгородский Евфимий второй.

Военную реформу, он проводил долго и последовательно, четверть века. Так же, как и перестройку Владычного двора в Детинце. Переделывая под более современный, «европейский» образец материальную часть вооружения. Причем это касалось не только, «немецких лат и копий», но и артиллерии и ручного огнестрельного оружия, под которые он модернизировал фортификационные сооружения. Возможно, выписывал под видом «колокольных мастеров» пушкарей из Риги¹⁴⁵, но это предположение, требует более глубоких исследований. Как и то: не были ли пушки, тюфяки, пищали и самострелы войска князя Дмитрия Шемяки в битве под Галичем 27 января 1450¹⁴⁶ года новгородского происхождения?

Владыка, первым делом реформировал войско владычного дома, опираясь на модернизированный замок Порхов. Убедившись в пользе новшества, распространил его на «государственных министерялов» своеземцев, по-видимому, обеспечив их вооружением за государственный счет. Боярские дружины «реформировались», судя по всему,

самостоятельно, за счет их патронов – больших бояр. Самыми последними, уже после смерти Евфимия перевооружались кончанские ополчения из житейских и ремесленников, там реформой были недовольны, что выразилось в крике души этих горе воинов перед Шелонской битвой: «каждо глаголющи: язъ человек молодой, испротеряхся конемъ и доспехомъ»¹⁴⁷.

Не все в этих предположениях и выводах бесспорно, но, думаю, что тема для обсуждения имеется.

¹⁴⁴Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. С. 136, 138.

¹⁴⁵ГВНП. № 65. С.108.

¹⁴⁶МЛС. С.270.

¹⁴⁷НІVЛ. С. 446.

Библиография

Источники:

- Акты Западной России. Т. I. СПб., 1846.
Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Москва-Ленинград, 1949.
Дзярновіч А. І. «Militares Livoniensum»: Рэстр лівонскага войска пад Пасволем у 1557 г. і праблемы мілітарнай гісторыі рэгіёна // *Studia Historica Europae Orientalis*. Исследования по истории Восточной Европы. Вып. 12. Минск, 2019.
Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI веков. М.-Л., 1950.
Иосафовская летопись. М., 2014.
Лицевой Летописный Свод. Русская летописная история. Книга 14. 1444-1459 гг. М., 2010.
Меховский Матвей. Трактат о двух Сарматиях. Рязань, 2009.
Новгородские писцовые книги. Т. III. СПб., 1868.
Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011.
Повести о житии Михаила Клопского. М.-Л., 1958.
ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 2000.
ПСРЛ. Т. III. Новгородская I летопись. М., 2000.
ПСРЛ. Т. IV. Новгородская IV летопись. М., 2000.
ПСРЛ. Т. V. Выпуск 1. Псковские летописи. М., 2003.
ПСРЛ. Т. V. Выпуск 2. Псковские летописи. М., 2003.
ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Софийская вторая летопись. М., 2001.
ПСРЛ. Т. XV. Тверской сборник. М., 2000.
ПСРЛ. Т. XVI. Летопись Авраамки. М., 2000.
ПСРЛ. Т. XVIII. Симеоновская летопись. М., 2007.
ПСРЛ. Т. XXIII. Ермолинская Летопись. М., 2004
ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М., 2004.
ПСРЛ. Т. XLV. Варшавский летописный сборник. СПб., 2018.
Собрание государственных грамот и договоров. Ч. I. Москва 1813.
Русский Феодальный Архив. М., 2008.
Хроника Быховца. М., 1966.
Черкасов Д. Н. Жильбер де Ланнуа и его «Voyages et ambassades» // *Studia Historica Europae Orientalis*. 8. Минск, 2015.
Długosza J. Roczniki czyli kroniki sławnego królestwa polskiego. Т. 8. Warszawa, 2009.
- ### **Литература:**
- Абрамович Г. В.* Князя Шуйские и Российский трон. Л., 1991.
Андріяшев А. М. Материалы по исторической географии Новгородской земли. М., 1914
Антипов И. В. Новгородская архитектура времен архиепископов Евфимия II и Ионы Отенского. М., 2009.
Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. М.-Л., 1961.
Беспалов Р. А. Источники о поездке Витовта в область Новосильского и Рязанского княжеств в 1427 году. // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 3. Тула, 2008.
Бессуднова М. Б. Война Линонского ордена с Новгородом 1443-1448 гг. // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. № 1. 2012. С. 79-83.
Бессуднова М. Б. Россия и Ливония в конце XV века. М., 2015.
Бохан Ю. М. Ваяры Грунвальдской битвы. Минск, 2010.
Бохан Ю. М. Узбраенне насельніцтва беларускіх зямель у XIV-XV стагоддзях. М., 2012.
ВКЛ. Энциклапедыя. Т. 1. Минск, 2007.
Гайдуков М. П. Фортификация Окольного города Великого Новгорода по археологическим данным. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2012.
Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989.
Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004.
Киртичников А. Н. Каменные крепости новгородской земли. Л., 1984.

Кузьмина О. В. Церковь и политическая борьба в Новгороде в XIV-XV веках. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. В. Новгород, 2007.

Куркин А. В. Рыцари: последние битвы. СПб., 2004.

Мусин А. Е. Загадка дома Святой Софии. СПб. 2016.

Петров Д. А. Владычный двор в Новгороде (1430-1450-е гг.). К вопросу о происхождении архитектурной композиции. Новгородский исторический сборник. 14 (24). В. Новгород. 2014.

Петров Д. А. Укрепления Окольного города Великого Новгорода конца XIV в. и их место в русской и балтийской традиции фортификации. Новгород и новгородская земля. История и археология. Вып. 30. В. Новгород. 2016.

Полехов С. В. Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М., 2015.

Романова Г. Я. Словарь старинных русских мер. М., 2017.

Селиверстов Д. А. Коростынская «пляска» и Шелонский «перепляс» 1471 года // История военного дела: исследования и источники. Специальный выпуск VII. Военная история Новгорода и Новгородской земли в XIV-XVII вв. Ч. III. 2020.

Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики М., 1980.

Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981.

Янин В. Л. Новгородские акты XII-XV вв. М., 1991.

Янин В. Л. Новгород и Литва. М., 1998.

Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 2003.

Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008.

Сведения об авторе

Селиверстов Дмитрий Анатольевич, участник Проблемного совета Государственного Исторического музея, г. Москва (Россия). Область научных интересов – военное дело Московской Руси XIV – начала XVII веков.

E-mail: antov-d@yandex.ru

D. A. Seliverstov

"MILITARY REFORM OF THE SECOND THIRD OF THE XV CENTURY IN NOVGOROD" AND ARCHBISHOP EUTHYMIUS II

Annotation: The history of the development of military affairs in Russia in the 15th century, a little-studied and confused matter. To date, there are views on the existence of two ways of this development. The first is Western ("Westernization") associated with the European military tradition, according to which the Grand Duchy of Lithuania went. The other is the eastern ("orientalization"), associated with the influence of the Golden Horde, chosen in the Grand Duchy of Moscow. Each way had its own pros and cons, and each Russian state (principality or republic), of which there were many then, made a choice itself. The article attempts to trace the choice of the Novgorod feudal republic. The starting point for writing the article was the words of the famous Soviet historian Gleb Vladimirovich Abramovich about the creation in Novgorod in the second half of the 15th century, a 5,000th mounted army "modeled on German knights." Practically, military reform comparable to the creation of "ordinance companies" in France and Burgundy. Gleb Vladimirovich, called the initiator and executor of this reform of the Suzdal prince Vasily Vasilyevich Grebenka. The author, without denying the possibility of such a reform, tried to figure out: which of the military or statesmen of Mr. Veliky Novgorod at that time could carry it out in reality.

Key words: Gospodin Veliky Novgorod, Grand Duchy of Lithuania, Grand Duchy of Moscow, dynastic wars in the Grand Duchy of Lithuania and Grand Duchy of Moscow, Novgorod-Livonian War 1443-1448, Grand Duke Vitovt, Grand Duke Vasily the Dark, Grand Duke Dmitry Shemyaka, Prince Alexander Vasilyevich Chartorysky, Archbishop of Novgorod Euthymius II, Battle of Staraya Rusa 1456.

References

Sources:

Akty Zapadnoj Rossii [Acts of Western Russia]. Vol. I. St. Peterburg, 1846.

Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova [Acts of Veliky Novgorod and Pskov]. Moscow-Leningrad, 1949.

Dzyarnovich A. I. «Militares Livoniensum»: Reestr livonskaga vojska pad Pasvolem u 1557 g. i prablemy militarnaj gistoryi regiyona [“Militares Livoniensum”: Register of the Livonian army near Pasvol in 1557 and problems of military history of the region] // *Studia Historica Europae Orientalis. Issledovaniya po istorii Vostochnoj Evropy. Vyp. 12.* Minsk, 2019.

Duhovnye i dogovornye gramoty velikih i udel'nyh knyazej XIV-XVI vekov [Spiritual and contractual acts of the great and specific princes of the XIV-XVI centuries]. Moscow-Leningrad, 1950.

Iosafovskaya letopis' [Iosafov chronicle]. Moscow, 2014.

Licevoj Letopisnyj Svod. Russkaya letopisnaya istoriya. [Facial Chronicle Vault. Russian annals] Book 14. 1444-1459. Moscow, 2010.

Mekhovskij Matvej. Traktat o dvuh Sarmatiyah [Treatise on two Sarmatians]. Ryazan', 2009.

Novgorodskie piscovye knigi [Novgorod scribe books]. Vol. III. St. Peterburg, 1868.

Pamyatniki istorii russkogo sluzhilogo sosloviya [Monuments of the history of the Russian service class]. Moscow, 2011.

Povesti o zhitii Mihaila Klopskogo [Stories about the life of Mikhail Klopsky]. Moscow-Leningrad, 1958.

PSRL. Vol. II. Ipat'evskaya letopis'. Moscow, 2000.

PSRL. Vol. III. Novgorodskaya I letopis'. Moscow, 2000.

PSRL. T. IV. Novgorodskaya IV letopis'. Moscow, 2000.

PSRL. T. V. Vypusk 1. Pskovskie letopisi. Moscow, 2003.

PSRL. T. V. Vypusk 2. Pskovskie letopisi. Moscow, 2003.

PSRL. T. VI. Vyp. 2. Sofijskaya vtoraya letopis'. Moscow, 2001.

PSRL. T. XV. Tverskoj sbornik. Moscow, 2000.

PSRL. T. XVI. Letopis' Avraamki. Moscow, 2000.

PSRL. T. XVIII. Simeonovskaya letopis'. Moscow, 2007.

PSRL. T. XXIII. Ermolinskaya Letopis'. Moscow, 2004

PSRL. T. XXV. Moskovskij letopisnyj svod konca XV v. Moscow, 2004.

PSRL. T. XLV. Varshavskij letopisnyj sbornik. St. Peterburg, 2018.

Sobranie gosudarstvennyh gramot i dogovorov [Collection of state letters and treaties]. Ch. 1. Moscow, 1813.

Russkij Feodal'nyj Arhiv [Russian Feudal Archive]. Moscow, 2008.

Hronika Byhovca [Chronicle of Bykhovets.]. Moscow, 1966.

Cherkasov D. N. Zhil'ber de Lannua i ego «Voyages et ambassades» [Gilbert de Lannois and his "Voyages et ambassades."] // *Studia Historica Europae Orientalis. 8.* Minsk, 2015.

Długosza J. Roczniki czyli kroniki sławnego królestwa polskiego [Annals or chronicles of the famous Polish kingdom]. Vol. 8. Warszawa, 2009. (In Polish).

Researches:

Abramovich G. V. Knyaz'ya SHujskie i Rossijskij tron [Princes of Shuisky and the Russian throne]. Leningrad, 1991.

Andriyashv A. M. Materialy po istoricheskoy geografii Novgorodskoj zemli [Materials on the historical geography of Novgorod land]. Moscow, 1914 (In Russian).

Antipov I. V. Novgorodskaya arhitektura vremen arhiepiskopov Evfimiya II i Iony Otenskogo [Novgorod architecture of the time of archbishops Euthymius II and Jonah Otensky]. Moscow, 2009. (In Russian).

Bernadskij V. N. Novgorod i Novgorodskaya zemlya v XV v. [Novgorod and Novgorod land in the XV century]. Moscow-Leningrad, 1961. (In Russian).

- Bespalov R. A.* Istochniki o poezdke Vitovta v oblast' Novosil'skogo i Ryazanskogo knyazhestv v 1427 godu [Sources about the trip of Vytautas to the region of the Novosilsky and Ryazan principalities in 1427] // Verhnee Podon'e: Arheologiya. Istoriya. Vyp. 3. Tula, 2008. (In Russian).
- Bessudnova M. B.* Vojna Livonskogo ordena s Novgorodom 1443-1448 gg. [The war of the Livon Order with Novgorod 1443-1448] // Vestnik VGU. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sociologiya. № 1. 2012. (In Russian).
- Bessudnova M. B.* Rossiya i Livoniya v konce XV veka [Russia and Livonia at the end of the XV century]. Moscow, 2015. (In Russian).
- Bohan Yu.M.* Vayary Grunval'dskaj bitvy [Warriors of the Battle of Grunwald]. Minsk, 2010 (In Belorussian).
- Bohan Yu.M.* Uzbraenne nasel'nictva belaruskich zyamel' u XIV-XV stagoddzyah [Armament of the population of the Belarusian lands in the XIV-XV centurie]. Minsk, 2012. (In Belorussian).
- VKL. Encyklopedyya [Grand Duchy of Lithuania. Encyclopedia]. Vol. 1. Minsk, 2007. (In Belorussian).
- Gajdukov M. P.* Fortifikaciya Okol'nogo goroda Velikogo Novgoroda po arheologicheskim dannym [ortification of the Okolny city of Veliky Novgorod according to archaeological data]. Avtoreferat of the PhD thesis on History . Moscow, 2012. (In Russian).
- Gorskij A. A.* Drevnerusskaya družhina [Old Russian squad]. Moscow, 1989.(In Russian).
- Zaliznyak A. A.* Drevnenovgorodskij dialekt [Drevnenovgorodsky dialect]. Moscow, 2004. (In Russian).
- Kirpichnikov A. N.* Kamennye kreposti novgorodskoj zemli [Stone fortresses of Novgorod land]. Leningrad, 1984. (In Russian).
- Kuz'mina O. V.* Cerkov' i politicheskaya bor'ba v Novgorode vekah [Church and political struggle in Novgorod for centuries]. PhD thesis on History. V. Novgorod. 2007. (In Russian).
- Kurkin A. V.* Rycari: poslednie bitvy [Knights: the last battle]. St.Peterburg, 2004. (In Russian).
- Musin A. E.* Zagadki doma Svyatoj Sofii [Mysteries of the house of Hagia Sophia]. St. Peterburg. 2016. (In Russian).
- Petrov D. A.* Vladychnyj dvor v Novgorode (1430-1450-e gg.). K voprosu o proiskhozhdenii arhitekturnoj kompozicii [Vladychny Dvor in Novgorod (1430-1450s). To the question of the origin of the architectural composition]// Novgorodskij istoricheskij sbornik. № 14 (24). V. Novgorod, 2014. (In Russian).
- Petrov D. A.* Ukrepleniya Okol'nogo goroda Velikogo Novgoroda konca XIV v. i ih mesto v russkoj i baltijskoj tradicii fortifikacii [Fortifications of the Okolny city of Veliky Novgorod at the end of the XIV century. and their place in the Russian and Baltic tradition of fortification]. Novgorod i novgorodskaya zemlya. Istoriya i arheologiya. Vyp. 30. V. Novgorod. 2016. In Russian).
- Polekhov S.V.* Nasledniki Vitovta [The heirs of Vytautas]. Moscow, 2015.(In Russian).
- Romanova G.Ya.* Slovar' starinnyh russkih mer [Dictionary of ancient Russian measures]. Moscow, 2017. (In Russian).
- Seliverstov D. A.* Korostynskaya «plyaska» i Shelonskij «pereplyas» 1471 goda [Korostynskaya «dance" and Shelonsky «quipped»1471] // Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki. Special'nyj vypusk VII. Voennaya istoriya Novgoroda i Novgorodskoj zemli v XIV-XVII vv. CH. III. 2020. (In Russian).
- Horoshev A. S.* Cerkov' v social'no-politicheskoy sisteme Novgorodskoj feodal'noj respubliki [Church in the socio-political system of the Novgorod feudal republic of Moscow]. Moscow, 1980. (In Russian).
- Yanin V. L.* Novgorodskaya feodal'naya votchina [Novgorod feudal estate]. Moscow, 1981. (In Russian).
- Yanin V. L.* Novgorodskie akty XII-XV vv. [Novgorod acts of the XII-XV centuries]. Moscow, 1991. (In Russian).
- Yanin V. L.* Novgorod i Litva [Novgorod and Lithuania]. Moscow, 1998. (In Russian).
- Yanin V. L.* Novgorodskie posadniki [Novgorod posadniki]. Moscow, 2003. (In Russian).

Yanin V.L. Ocherki istorii srednevekovogo Novgoroda [Essays on the history of medieval Novgorod]. Moscow, 2008. (In Russian).

About the author

Seliverstov Dmitry A., member of the Problem Council at the State Historical Museum, Moscow (Russia).

E-mail: antov-d@yandex.ru